

смена

№ 5 МАРТ 1978

МОНГОЛЬСКОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ
СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР

На обложке журнала, на красной ленточке надпись: «Монгольскому революционному союзу молодежи посвящается этот номер». Четвертый выпуск «Смены», рассказывающий о братских союзах молодежи.

Читатели уже получили номера, целиком посвященные Димитровскому коммунистическому союзу молодежи Болгарии, Союзу молодых коммунистов Кубы, Социалистическому союзу молодежи Чехословакии.

И вот—повествование о молодежи Монголии, о стране, которую Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, товарищ Леонид Ильич Брежнев назвал самым давним другом нашей страны: «Немало перемен—и перемен великих—прошло со времени рождения боевого союза пролетарской социалистической России со свободной Монголией. Но что касается наших отношений, одна черта была и остается для них неизменной.

Это—глубочайшее доверие друг к другу. Своими истоками оно уходит к исторической встрече Владимира Ильича Ленина с монгольской революционной делегацией, с Сухэ-Батором».

Нерушимая, поистине братская дружба двух народов пронесена через годы и десятилетия. Мы вместе работали, вместе строили, вместе учились, вместе сражались с врагами, отстаивая свою свободу и независимость.

Мы вместе работаем, вместе учимся и сегодня. Размахи шаги сажены—это не только о первой стране социализма.

Но и о наших товарищах, наших братьях из Монголии. Леонид Ильич Брежнев особо подчеркнул, что «сейчас при строительстве медно-молибденового гиганта в Эрдэнэте за один лишь год осваивается столько средств, сколько в Дархане осваивалось за пятилетие». В этом сопоставлении как в зеркале отражаются те стремительные изменения, что происходят сегодня в стране, где совсем недавно первозданную тишину нарушили не могучие «БелАЗы», а лишь удары в гонг, созывающие лам на утреннюю или вечернюю молитву.

В этом сопоставлении отражаются и новые созидательные возможности Монголии и новый размах нашей совместной работы. Газета «Унэн», размышляя о путях, которым идет страна, подчеркивает, что история становления Монгольской Народной Республики, укрепления ее политической и экономической независимости, всестороннего сотрудничества с Советским Союзом—это яркий пример воплощения в жизнь марксистско-ленинского учения о путях и перспективах социального прогресса ранее отсталых народов при помощи победившего пролетариата передовых стран.

Монголия—страна, устремленная в будущее. Страна древняя и молодая. И где бы ни побывали корреспонденты «Смены»—в столице республики Улан-Баторе или в крупнейшем центре Дархане, в Хангайской степи или в пустыне Гоби, в Эрдэнэте, имя которого известно не только в Монголии, или в обычном госхозе, чья слава не пересекла границы республики, у скотоводов или у ученых,—повсюду на самых трудных, на самых ответственных участках вместе со старшими товарищами, со своими наставниками самоотверженно работают юноши и девушки.

Ревком Монголии, идущий к своему XVII съезду, живет заботами и радостями страны, он в гуще событий, на переднем крае борьбы за претворение в жизнь решений XVII съезда Монгольской народно-революционной партии.

Специальный выпуск «Смены» знакомит читателей с сегодняшним днем ревкома, рассказывая о строителях и шахматистах, о геологах и скотоводах, о чемпионе мира по борьбе и о молодом ученом, составляющем биогеохимическую карту страны, о секретаре ревкомской организации и об актерах из ансамбля народной песни и танца. «Смена» рассказывает о социалистическом интернационализме в действии.

О замечательной стране, красота которой, ее культурное наследие, настоящее и будущее не могут не увлекать.

К читателям журнала «Смена»

ВЫСОКО НЕ ВЕЛИКОГО

Юмжагийн ЦЕДЕНБАЛ,
Первый секретарь ЦК МНРП,
Председатель Президиума Великого
Народного хурала МНР.

Дорогие друзья—комсомольцы и комсомолки, юноши и девушки Страны Советов!

Я рад предоставленной мне возможности через популярный журнал советской молодежи «Смена» горячо и сердечно приветствовать советский комсомол и героическую советскую молодежь, славных продолжателей дела Октябрьской революции.

Велики заслуги советской молодежи, Ленинского комсомола в колоссальных социально-экономических и культурных достижениях Советского Союза за 60 послеоктябрьских лет, в завоевании им громадного авторитета на международной арене, в становлении и развитии дружбы и классовой интернациональной солидарности трудящихся разных стран мира.

Мне посчастливилось иметь в разные годы незабываемые встречи с представителями различных поколений советских комсомольцев и молодежи, еще и еще раз убеждаться в том, что идеяность, интернационализм, готовность посвятить всего себя делу Коммунистической партии, делу коммунизма у них в крови. Помню подвиги комсомольцев тридцатых годов. В то

СТИ ЗНАМЯ ОКТЯБРЯ

время я учился в Советском Союзе и был свидетелем самоотверженности и трудового героизма тысяч и тысяч молодых энтузиастов, направленных комсомолом на ударные стройки первой советской пятилетки. Мы помним легендарные подвиги комсомольцев и молодежи в годы Великой Отечественной войны советского народа, в районе Халхин-Гола в Монголии в 1939 году в ходе четырехмесячной войны с японскими захватчиками, на полях Северо-Восточного Китая в 1945 году во время военных действий советско-монгольских войск против милитаристской Японии, а также на трудовых фронтах послевоенных пятилеток. Восхищаюсь и сегодня вместе со своим народом героическими делами юношей и девушек Страны Советов по осуществлению величественных программ коммунистического строительства.

Все это—свидетельство непоколебимой верности 36-миллионного комсомола и всей советской молодежи делу Октября, заветам великого Ленина, свидетельство того, что Ленинский комсомол под руководством Коммунистической партии является активной боевой и политической школой революционной закалки молодого поколения.

Вот почему деятельность Ленинского комсомола, советской молодежи рассматривается у нас как живой, вдохновляющий пример для ревсомальцев и молодежи МНР в деле строительства социализма на монгольской земле. Учиться у Ленинского комсомола, у славной советской молодежи—вот постоянный девиз монгольского ревсомала, всей монгольской молодежи.

Наша партия высоко ценит традиционные отношения дружбы, братства и сотрудничества, связывающие комсомол и ревсомол, бесценную и подлинно братскую помощь комсомола в становлении, развитии и укреплении Монгольского революционного союза молодежи. Важно и впредь развивать все полезные формы сотрудничества между обеими братскими организациями—монгольским ревсомолом и советским комсомолом. О большой пользе проведения двусторонних совместных мероприятий в деле интернационального воспитания молодого поколения ярко свидетельствовал, к примеру, шестой фестиваль дружбы монгольской и советской молодежи, который прошел в прошлом году в МНР под знаком безграничной верности молодежи двух стран делу Ленина, знамени Октября и дружбы народов.

Монгольский народ отмечал 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции как праздник торжества идей Ленина и пролетарского интернационализма. Поэтому, естественно, с энтузиазмом и горячим одобрением были восприняты в МНР такие выдающиеся документы, как доклад товарища Леонида Ильича Брежнева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великого Октября, как принятая в канун этой исторической даты новая Конституция СССР—Основной Закон первого в мире государства развитого социализма, подлинный манифест эпохи коммунистического строительства.

Чествуя исторический юбилей Октябрьской революции, МНРП и монгольский народ обращаются к партии Ленина, ко всем советским людям, ко всей советской молодежи с самыми сердечными поздравлениями и пожеланиями новых грандиозных успехов в коммунистическом строительстве в Советском Союзе, в борьбе за мир и безопасность народов, за торжество идей коммунизма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1219) МАРТ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
солистка
Государственного
ансамбля
народной песни
и танца
Ж. ЛХАГВАСУРЭН.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

- 1 Юмжагийн ЦЕДЕНБАЛ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК МНРП,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕЛИКОГО НАРОДНОГО
ХУРАЛА МНР. «ВЫСОКО НЕСТИ ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ».
- 2 Лодонгийн ТУДЭВ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК МРСМ.
«ВРЕМЯ, УСТРЕМЛЕННОЕ В ЗАВТРА».
- 6 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Мария КОЛЕСНИКОВА, Михаил КОЛЕСНИКОВ.
«НЕУСТРАШИМЫЙ СУХЭ-БАТОР».
- 7 Анатолий БАРАНОВ, Леонид ПЛЕШАКОВ, специальные
корреспонденты «Смены». Д. ЦЭМБЭЛ, специальный
корреспондент газеты «Залуучуудын Үнэн».
«СТРАНИЦЫ РАБОЧЕЙ ПОВЕСТИ».
- 12 Олег СПАССКИЙ, Сергей ПЕТРУХИН.
Специальные корреспонденты «Смены».
«ВСАДНИКИ, ЛЕТАЩИЕ НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ».
- 18 Анатолий МАКСИМОВ. «НЕИСТОВЫЙ ПУНЦАГ».
- 21 Леонид АНАСТАСЬЕВ. «СТОРОНА ПО ИМЕНИ ГОБИ».
- 22 Стихи Д. ЦЭМБЭЛА и Ж. ОЮУНЦЭЦГА.
- 24 Д. ХАТАНБАТОР.
«РАСПАХНУТЫЙ МИР МГНОВЕНИЯ».
- 26 Два рассказа С. ПУРЭВА.
- 28 Стихи председателя Союза писателей Монголии
Д. ЦЭДЭВА.
- 29 МОНГОЛЬСКАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусов.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена». 1978 г.

Монгольский революционный союз молодежи накануне своего **XVII съезда**

Первый секретарь ЦК МРСМ
Лодонгийн ТУДЭВ
отвечает на вопросы
главного редактора журнала «Смена»
Альберта ЛИХАНОВА.

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ

— Ленинский комсомол, вся советская молодежь с постоянным вниманием и интересом следят за жизнью братской Монголии, за замечательными творческими достижениями Монгольского революционного союза молодежи, совершенными под руководством Монгольской народно-революционной партии. Мы хотели бы, чтобы Вы рассказали читателям «Смены» об основных направлениях деятельности ревкома.

— МРСМ призван быть боевым помощником партии и кузницей достойной смены коммунистов.

Выполнение этого высокого долга перед партией и народом зависит от боеспособности союза, от организаторского таланта его работников, от нашего влияния на молодежь. Ревком стремится повысить роль и ответственность своих организаций во всех сферах общественной жизни. И в осуществлении экономической политики партии. И в коммунистическом воспитании подрастающего поколения. И в совершенствовании форм и методов ревкомской работы.

«Мы гордимся успехами нашей славной молодежи в труде и учебе, в выполнении воинского

долга», — сказал в докладе на XVII съезде МНРП товарищ Ю. Цеденбал. — Мы радуемся, что у нас подрастает смена трудолюбивая, талантливая, безгранично преданная идеалам коммунизма. В этом большая заслуга монгольского ревкома, ближайшего помощника и надежного резерва партии».

Эти слова не только определяют роль молодежи в строительстве новой жизни на нашей земле, но и вдохновляют юношество на совершение новых и новых трудовых подвигов во имя светлого будущего.

Пятая пятилетка (1971—1975) была еще одной

важной вехой социалистического строительства в Монголии. Ревсомол принял самое деятельное участие в претворении в жизнь заданий пятилетнего плана. Около 40 процентов ежегодно принимаемого приплода скота, или 3,5—4,1 миллиона голов молодняка, выращивают наши юноши и девушки — члены ревсомола. Кроме того, силами членов союза ежегодно содержатся на отгонных пастбищах 6—7 миллионов голов скота.

Ревсомол взял шефство над обеспечением скотоводства тепличными помещениями и над обводнением пастбищ. Руками молодых построены 21 тысяча помещений для скота, 500 ветеринарно-кормовых пунктов, 5 тысяч шахтных колодцев.

В годы пятой пятилетки около 40 тысяч молодых добровольцев отправились по ревсомольским путевкам в сельское хозяйство и на крупные новостройки. Многие стали орденоносцами и героями труда.

Шестая пятилетка открывает перед Монголией новые прекрасные горизонты.

Главная социально-экономическая задача ближайшего пятилетия состоит в обеспечении дальнейшего подъема общественного производства. В связи с этим свою важнейшую задачу МРСМ видит в активном участии в движении «За пятилетку эффективности производства, высокого качества продукции», в организации соревнования среди молодежи за выполнение заданий пятилетки на один-два

года ранее намеченного планом срока. Победители этого соревнования становятся обладателями золотых, серебряных и бронзовых медалей «Молодого ударника». Другая важнейшая задача ревсомола заключается в увеличении числа ударных молодежных бригад, которые призваны бороться за эффективность производства и высокое качество продукции, за повышение роли стандартов и неукоснительное соблюдение производственной технологии, за снижение себестоимости и материально-емкости продукции, наконец, за рациональное использование сырьевых и материальных ресурсов.

В новой пятилетке МНРП уделяет особое внимание росту производства продукции растениеводства на основе расширения посевных площадей. Партия поддержала патриотическое начинание монгольской молодежи считать освоение 230 тысяч гектаров новых целинных земель ударным делом ревсомола. Молодежь начала штурм целины, уже воздвигаются первые дома на просторах бескрайних степей. В новые целинные госхозы по ревсомольским путевкам прибыли более 4 тысяч юношей и девушек. В каждом целинном хозяйстве созданы ударные молодежные бригады.

Молодые целинники работают замечательно. Приведу только один пример. Коллектив недавно созданного госхоза «Залуучнуд» («Молодежь») весной 1977 года успешно выполнил план поднятия залежных земель, вспахав 6600 гектаров целины

Цеденбалом. Одно из первых политических выступлений товарища Цеденбала было посыпано молодежи. Это было в 1940 году, когда Монголия встала на некапиталистический путь общественного развития, когда партия, подытожив успехи, достигнутые монгольским народом на первом этапе народной революции, наметила величественные перспективы построения социализма в нашей стране. Товарищ Цеденбал выступил с докладом на пленуме ЦК ревсомола, в котором были определены важнейшие задачи ревсомола и всей монгольской молодежи.

В прошлом году вышел в свет однотомник трудов товарища Ю. Цеденбала о молодежи, о коммунистическом воспитании, который стал настольной книгой для наших ревсомольцев.

Неуклонно следовать за партией, быть ее надежным помощником и боевым резервом, неустанно воспитывать молодежь в духе коммунистической идеиности, социалистического патриотизма, пролетарского интернационализма — в этом главный смысл всей деятельности ревсомола.

— 1977 год был особым в жизни народов нашей страны. Это был год 60-летия Великого Октября и принятия новой Конституции СССР. Миллионы юношей и девушек вместе со всем советским народом внесли свой вклад в достойную встречу этих двух знаменательных событий. Мы знаем, что и труженики Монголии героическим трудом

ЕЩЕНОЕ В ЗАВТРА

и приготовив 2900 гектаров мягких паров, а осенью первым в стране закончил уборку урожая.

— Расскажите, пожалуйста, какую заботу проявляют партия, Центральный Комитет о монгольской молодежи, о Монгольском революционном союзе молодежи?

— МРСМ и юношеству страны уделяется огромное внимание партией и лично первым секретарем ЦК МНРП и Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР товарищем Юмжагийном

отметили 60-летие братской страны, внося вклад в развитие социалистической экономической интеграции. Было бы интересно узнать, как участвовала в этом благородном движении молодежь вашей страны.

— Приятно отметить, что юные представители нашего славного рабочего класса и кооперированного аппарата всегда шли в первых рядах всенародного соцсоревнования. Молодежь и члены ревсомола сразу же включились в социалистическое соревнование, объявленное ЦК МРСМ еще в октябре

1976 года, за 55 недель до великого юбилея. Каждый 6-й ревсомолец стал победителем этого соревнования и получил право подписать рапорт об успехах нашей молодежи в труде, учебе и спорте.

Летом 1977 года ревсомол и комсомол провели VI фестиваль дружбы монгольской и советской молодежи, посвященный 60-летию Октября. Этот фестиваль стал для нас прекрасной школой изучения богатого опыта героической трудолюбивой и талантливой советской молодежи.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что наша молодежь с восхищением отмечает, что новая Конституция СССР, принятая накануне 60-летия Великого Октября, — замечательный политический документ, имеющий самое прямое отношение к судьбам миллионов людей всего мира, их настоящему и будущему, документ, вносящий значительный вклад в теорию и практику марксизма-ленинизма, в дело

лексикона совсем недавно. 10 марта 1931 года «Восточносибирская правда» писала, что Монголия получила от советских друзей в подарок новенький трактор, который стал шестым «стальным конем» в республике. А ныне в Монголии в каждом артском объединении действует солидный тракторный парк. За рулем современных машин сегодня тысячи юношей. Родилось массовое движение, участники которого стремятся овладевать профессиями, редкими пока в Монголии, — пчеловода и рыболова, птицевода и свиновода.

Молодой монгол управляет сложными машинами на своем рабочем месте, встречается со всем миром на голубом экране телевизора, он близко к сердцу принимает все, что происходит на нашей планете.

— Мы знаем, что ревсомол шефствует над училищами профтехобразования. В чем проявляется забота вашего союза о завтрашних молодых рабочих?

ударной ревсомольской бригады. В это движение сейчас вовлечено около тысячи ревсомольско-молодежных коллективов, более 11 тысяч юношей и девушек. Бригады эти специализируются и носят такие же самим за себя говорящие названия, как «Бригада качества», «Бригада — миллионер», «Комплексная бригада», «Бригада — интернационал», «Бригада коллективного расчета». В авангарде этого движения — ударные коллектива во главе с бригадами Г. Тэгшжав из второго треста технического содействия города Дархана, бригада Б. Доржа из треста технического содействия Баян-Хонгорского аймака, бригада Л. Батмунха с кожевенной фабрики города Улан-Батора, бригада Л. Намсарая из горного цеха горнорудного предприятия Хажу-Улаан-уул Восточно-Гобийского аймака. Они работают под девизами: «За себя и за того парня», «Шестидневную работу — за пять дней», «Коллектив без отставшего».

— Какой объект шефства ревсомала мог бы стать символом, полнее всего выражавшим сегодняшний день Монголии?

— Ревсомол шефствует над особо важными объектами народного хозяйства и культуры страны.

социального прогресса, демократии, свободы и независимости народов, в борьбу за мир во всем мире.

— Мы хотим рассказать читателям «Смены» о том, как живут и трудятся монгольские юноши и девушки. Какие черты сегодняшней рабочей молодежи Вы хотели бы отметить особо?!

— МРСМ воспитывает у молодежи лучшие качества коммуниста, формирует у нее марксистско-ленинское мировоззрение, классовое самосознание, коммунистическую нравственность. Ревсомол постоянно уделяет внимание организационно-политическому укреплению всех своих звенев, улучшению качественного состава и росту рядов союза. Ныне в МРСМ более 165 тысяч юношей и девушек.

Современный молодой человек резко отличается от своих сверстников начала века. Тогда монгол верил в способность перерождения человеческой души и мечтал при будущем своем перерождении попасть в небесную страну. А ныне молодой человек управляет сверхзвуковым самолетом и мечтает стать первым монгольским космонавтом.

Сегодняшняя рабочая молодежь Монголии — детище социальных преобразований, происходящих в стране: Монголия превращается из отсталого сельскохозяйственного района в промышленно-аграрное государство. Рождается второе поколение рабочих. Термины «тракторист», «комбайнер», «летчик», «геолог» и другие появились в нашем

— ПТУ — настоящая кузница достойной смены рабочего класса Монголии. Из стен ПТУ выходят высококвалифицированные молодые рабочие. XVII съезд МНРП доверил МРСМ шефство над профессионально-техническими училищами страны.

За годы шестой пятилетки предусматривается подготовка в системе профессионально-технических училищ 45 тысяч квалифицированных молодых рабочих. Будет создано десять новых ПТУ, которые примут четыре тысячи учащихся.

Свою главную задачу в этом важном государственном деле ревсомол видит в воспитании у учащихся ПТУ лучших черт рабочего человека — любви к труду, ответственности за порученное дело, стремления к постоянному профессиональному совершенствованию.

— Наших читателям было бы интересно узнать о наиболее примечательных особенностях массового движения за звание ударной ревсомольской бригады.

— «Создаются ударные ревсомольские бригады. Это патриотическое движение заслуживает широкого распространения», — сказал товарищ Ю. Цеденбал на XVII съезде МНРП.

После XVII съезда среди рабочей молодежи широко развертывается массовое движение за звание

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

Что Вы могли бы сказать о работе МРСМ, нацеленной на интернациональное воспитание юношества?

— Деятельность МРСМ направлена на интернациональное воспитание молодого поколения, на формирование у юношей и девушек коммунистического мировоззрения, на воспитание их в духе беспредельной верности идеалам партии, в духе высоких принципов пролетарского интернационализма. Естественно, что МРСМ выступает активным проводником внешней политики партии.

Дружбу, установленную между ревсомолом и комсомолом, нашу дружбу с молодежными организациями других братских социалистических стран

шим событием в борьбе молодежи за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс. Расскажите, пожалуйста, как молодежь вашей страны готовится к XI Всемирному фестивалю в Гаване?

— Юноши и девушки Монголии, верные пролетарскому интернационализму, идут в одном ряду со всеми, кто борется против империализма, колониализма, неоколониализма, апартеида, против диктаторских режимов, за мир, независимость и социальный прогресс. И XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов явится, по нашему глубокому убеждению, новой прекрасной демонстрацией солидарности молодежи с прогрессивными силами мира. Поэтому юноши и девушки Монголии активно готовятся к всемирному форуму юности. Участники VI фестиваля дружбы монгольской и советской молодежи направили послание товарищу Фиделю Кастро, председателю оргкомитета XI фестиваля. И легендарный вождь кубинской революции писал в ответной телеграмме, что весь кубинский народ и его молодежь придают огромное значение фестивалю и с нетерпением ждут прибытия друзей в Гавану.

ях в культурной и спортивной жизни молодежи Монголии.

— Одна из основных программных задач нашей партии — воспитание нового человека. Выполнение ее неразрывно связано с утверждением социалистического образа жизни. Ревсомол обращает особое внимание на комплексность и многоплановость воспитательной работы. Литература и музыка, живопись и архитектура, физкультура и спорт служат самыми эффективными средствами гармонического развития личности.

Успехи наших спортсменов очевидны. Молодые борцы МНР не раз выигрывали самые ответственные соревнования. Во многих странах известны, например, имена чемпионов мира по борьбе Ойдова и Баннумуха.

Книги молодых писателей Монголии переводятся на языки народов социалистических стран. Молодые певцы регулярно выступают в традиционных международных фестивалях песни «Красная гвоздика» и «Альный мак».

ЦК МРСМ за последние 2—3 года принял важные постановления «Об охране природы и эффективном использовании ее ресурсов», «О молодежном

мы бережем как зеницу ока. Дружба МРСМ и ВЛКСМ, которой гордится монгольская молодежь, зиждется на принципах пролетарского интернационализма и равноправия. Сотрудничество МРСМ и ВЛКСМ развивается из года в год и постоянно обогащается новыми формами и методами. В начале 1976 года была подписана Программа сотрудничества между двумя союзами молодежи на 1976—1980 годы, предусматривающая дальнейшее расширение наших связей и контактов. Ревсомол и комсомол постоянно проводят интересные и полезные совместные акции. Обмен комсомольскими и пионерскими делегациями, лекторами, туристами, журналистами, работающими в молодежной и детской печати, совместные обсуждения актуальных проблем — все это стало для нас привычным и необходимым. Ленинский комсомол и ревсомол провели уже шесть фестивалей дружбы молодежи двух стран, организовали походы по историческим местам.

Дружбу наших Союзов, ставшую частью новых братских взаимоотношений стран социалистического содружества, выпестовали люди старшего поколения, прошедшие через горнила классовой борьбы, через все трудности и лишения, неизбежные на пути первопроходцев.

Монгольская молодежь, воспитанная на прекрасных традициях пролетарского интернационализма, будет непоколебимо бороться за чистоту всепобеждающего учения марксизма-ленинизма, твердо стоять на позициях непримиримой борьбы с реакционной буржуазной идеологией, с оппортунистами всех мастей, с антикоммунизмом и антисоветизмом.

— Несколько месяцев отделяют нас от XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Фестиваль, несомненно, станет важней-

тизм и его развитии», «О научно-техническом мышлении и изобретательской способности детей и молодежи», «О мерах улучшения физического воспитания детей и молодежи», которые тесно взаимосвязаны друг с другом и направлены на всестороннее развитие личности каждого молодого человека.

Наша молодежь с каждым годом становится краше духовно и физически.

Из рук старших юноши и девушки приняли священное знамя, овеянное славой на полях сражений, в героическом труде за обновление нашей древней земли, и они будут высоко нести это победоносное революционное знамя, неустанно и непоколебимо борясь за дело партии и народа.

Нет такой силы, которая заставила бы молодежь Монголии свернуть с ленинского пути, оторвать ее от наших друзей — Ленинского комсомола. Быть надежной сменой и резервом партии — главный смысл жизни каждого ревсомольца, его величайшая гордость.

Монгольская молодежь, выросшая и сформировавшаяся в неустанным труде, в борьбе во имя социализма и коммунизма, воспитанная на глубоких традициях народной революции и пролетарского интернационализма, будет верна своему высокому призванию.

Мария КОЛЕСНИКОВА,
Михаил КОЛЕСНИКОВ.

неустрашимый Сухэ-Батор

Бессмертие человека — в его дела...

На центральной площади Улан-Батора много лет назад воздвигнут величественный памятник: на высокой гранитной скале гордо скакущий всадник с призвано поднятой рукой; на всаднике шлем джагина — полководца. Его лицо, отлитое из бронзы, сурово, взгляд устремлен в даль монгольских степей. Четырнадцать каменных львов-арсланов, издревле символизирующих мужество и отвагу, держат в зубах массивную чугунную цепь, окружающую постамент.

Это памятник основателю Монгольской народно-революционной партии, монгольского народного государства,

воходя антиимпериалистической и антифеодальной революции Неустрашенному Сухэ-Батору. Здесь же, на площади, носящей имя Сухэ-Батора, высится усыпальница, облицованная черным полированным лабрадоритом, где покоятся его прах.

За годы работы в Монголии мы близко познакомились со многими друзьями и соратниками Сухэ-Батора. Они вспоминали о боевых походах, о незабываемых встречах с Неустрашимым Сухэ-Батором, и из их рассказов постепенно вырисовывался облик незаурядного, высокоодаренного человека, наделенного необыкновенной отвагой и храбростью, человека с ясным государ-

ственным умом, беззаветно преданного революции и идеям интернационализма.

Сухэ-Батор и внешне был красив: высокого роста, с тонким, одухотворенным лицом. В нем чувствовалась некая сила высшего порядка, которая заставляла людей идти за ним, верить каждому его слову, ибо основной чертой его характера была честность. Честность, искренность, убежденность в правоте того дела, ради которого он жил.

Трудовой путь Сухэ-Батора начался очень рано: когда его ноги стали доставать до стремян, он покинул ветхую

Продолжение на 23-й стр.

Анатолий БАРАНОВ, Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальные корреспонденты «Смены»,
Д. ЦЭМБЭЛ, специальный корреспондент газеты
«Залуучуудын Унэн».

ДАРХАН—КУЗНИЦА СЧАСТЬЯ

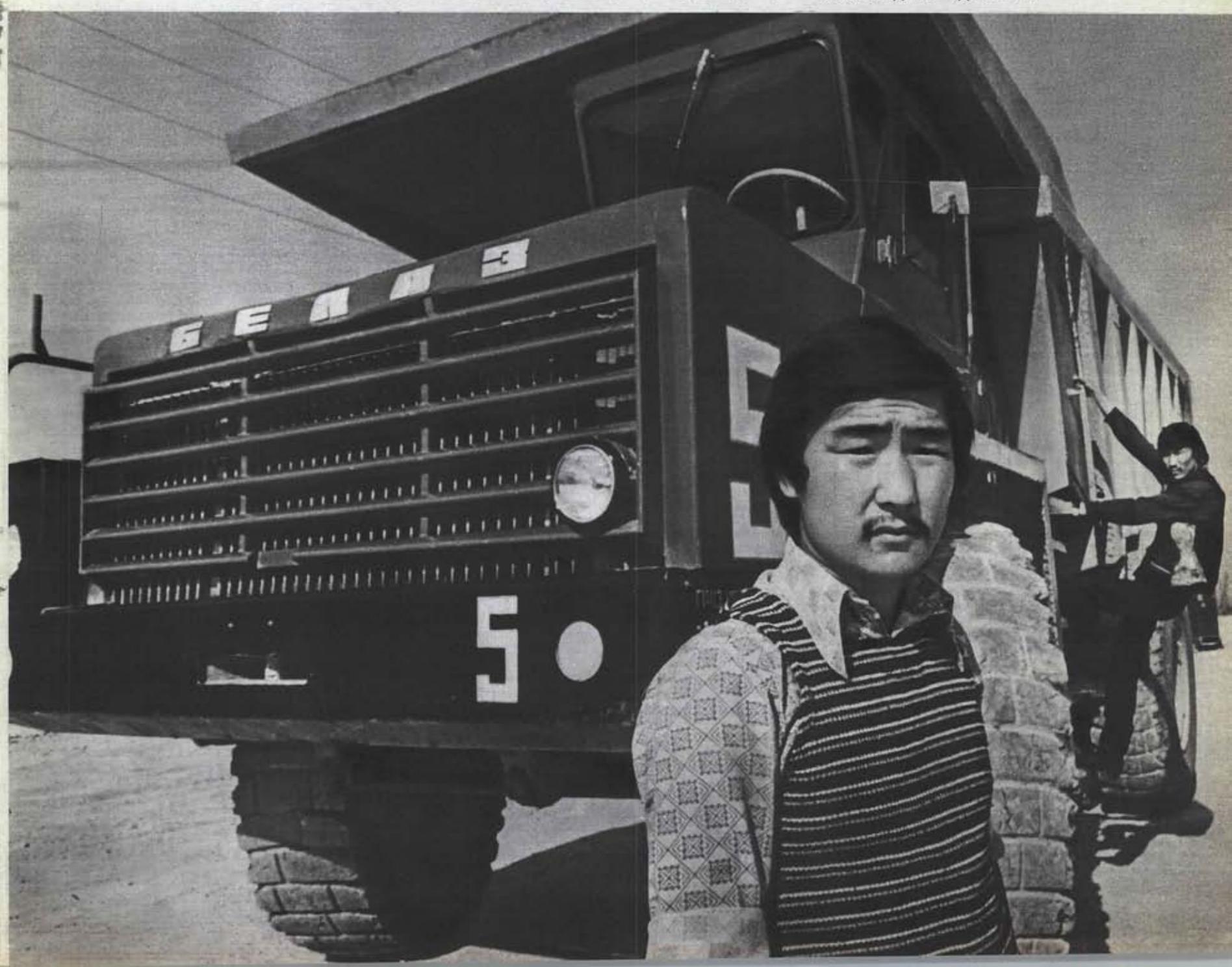
СТРАНИЦЫ РАБОЧЕЙ ПОВЕСТИ

— Ну, как? — спрашивает председатель городского народного хурала.

Перед нами сверкают белые стены города, с математически точными квадратами кварталов, прямыми улицами и разновеликими кубиками домов, в окнах которых плещутся фантастические краски заката. Город отсюда похож на декорацию, на красивый макет, поставленный в холмистой степи, и мы смотрим на него удивленно и молча. Г. Дамдин замечает наше удивление и довольно улыбается: «Москва, говорят, на семи холмах стоит, а нам пока двух хватает».

Дархан еще привычно делят на старый и новый, хотя принципиальных различий между ними нет — те же многоэтажные дома, просторные площади и широкие проспекты. Названия сохраняются скорее всего потому, что две части города занимают два разных холма. Соединяет их красивейшая в Дархане магистраль — Молодежный проспект. В будущем он станет своеобразной аллеей центрального парка Дружбы. Парк и объединит обе части Дархана, став культурным центром города. Десятки тысяч саженцев высадили в будущем парке члены городской ревсомольской организации. Вместе с ними на субботниках работали молодые специалисты из Болгарии, Польши, ГДР и СССР. Посадить дерево в степи непросто, вырастить его еще труднее. Поэтому горком ревсомола и назвал парк в числе своих главных подшефных объектов: молодых рабочих и школьников можно увидеть в парке едва ли не ежедневно, они окапыва-

ВОДИТЕЛЬ Ф. БОЛДБАТОР —
ЧЛЕН ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЭКИПАЖА
«НАЙРАМДАЛ» — «ДРУЖБА».

**Н. ЦЭДЭННИЛ—
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕЛИКОГО НАРОДНОГО ХУРАЛА,
ГЕРОЙ ТРУДА МНР, ОПЕРАТОР ДАРХАНСКОГО
СИЛИКАТНОГО ЗАВОДА.**

ют деревья, поливают их, вносят в почву удобрения, прокладывают аллеи и тропки.

— Я свои деревья из тысяч других узнаю сразу, — говорит Эдвард Косинский, механик из Польши, работающий сейчас на Дарханском силикатном заводе.

— У нас, в Польше, существует поверье: на место, где человек посадил дерево, он обязательно вернется, — поддерживает товарища электрик Кшиштов Мястовский. — Вот я и вернулся в Монголию после годичного перерыва.

Эдвард и Кшиштов работают на силикатном заводе — одном из первых промышленных предприятий Дархана. Проектная мощность завода — 28 миллионов штук кирпича в год, выпускает же он свыше 30 миллионов.

— Главное, что перекрыли мы проектную мощность не за счет физических усилий, — объясняет директор завода Ашхуу Чултэм. — У нас уже несколько лет активно работают интернациональная «бригада поиска». Наши рационализаторы вместе с польскими специалистами постоянно совершенствуют машины и механизмы.

Еще недавно формовочная машина, которой управляет Нуржав Цадэнпил, давала меньше двадцати кирпичей в минуту. Заводские рационализаторы сделали машину автоматической, и сейчас она выдает 26 кирпичей в минуту.

— Работать стало и легче и сложней: руки теперь отдыхают, но надо внимательно следить за автоматикой. И приходится учиться заново. — Цадэнпил показывает сложную схему машины. — Хочу изучить так, чтобы в случае небольшой поломки самой же и устранить ее, не вызывать механиков да электриков.

После окончания средней школы Цадэнпил по путевке ревомола приехала на главную в то время

стройку страны — Дархан. Под руководством польских специалистов окончила трехмесячные курсы и получила квалификацию оператора второго разряда. И, рас прощавшись с курсами, она приходила к своим преподавателям за советом, за помощью. Ей мало было знать только свою машину, только свое рабочее место — она изучала свой завод.

В 18 лет ее впервые избрали депутатом Великого Народного хурала. Забот, конечно, прибавилось, и все же Цадэнпил находила время, чтобы досконально разобраться в машинах. На ее счету свыше 30 рационализаторских предложений, и большинство из них приходится на долю «чужих» рабочих мест. «Ее можно к любой машине поставить — управится», — уверяет Эдвард Косинский.

Сейчас Цадэнпил — Герой Труда МНР, заместитель председателя Великого Народного хурала, член ЦК Монгольской народно-революционной партии.

Из силикатного кирпича, выпущенного в Дархане, строят теперь белые дома во многих районах Монголии. Так же во все концы страны идет продукция Дарханского цементного завода, построенного с помощью специалистов ЧССР. Мощный домостроительный комбинат, возведенный советскими рабочими и специалистами, отправляет «готовые квартиры» далеко за пределы Дархана.

Но главная гордость Дархана — Шарын-гол, что в переводе означает «Желтая река».

В окрестностях города, теряясь в кустарниках, течет небольшая речушка с желтым песчаным дном. Она-то и дала название мощному угольному разрезу. Добычу угля ведут здесь открытым способом. В карьере множество современных машин — экскаваторы, бульдозеры, бурильные установки. По транспортерам бесконечным потоком уголь течет к дробилкам и тут же заполняет железнодорожные вагоны. Все процессы в карьере полностью механизированы, молодые монгольские специалисты уверенно управляют самой сложной техникой.

— Советская школа! — уверяет лучший бульдозерист угольного разреза Д. Цэндаууш. Молодой бульдозерист учился мастерству здесь же, в Шарын-голе, на специальных курсах, организованных советскими специалистами, и теперь уже сам обучает ребят, приезжающих в Дархан из самых разных аймаков.

Сейчас Шарын-гол дает 1,1 миллиона тонн угля в год, в ближайшие годы его мощность должна удвоиться.

Первые фундаменты нового, социалистического города были заложены 17 октября 1961 года, в день открытия XXII съезда КПСС. Араты из объединения имени Монголо-советской дружбы преподнесли первым русским строителям традиционный монгольский хадак — шелковый голубой платок и серебряную пилу с кумысом. Это знаки высшего пожелания успехов и счастья.

Белый город, о котором нам рассказывали тогда строители, был так похож на сказку, что мы, хотя и очень хотели поверить в нее, не могли, — признался нам С. Цэрэндорж, один из тех стариков, кто вручал строителям платок на счастье. Сейчас он на пенсии и сам живет в большом, красивом доме напротив городского театра, где в хореографическом кружке занимается его младшая внучка Цэвэлсурэн. — Разве могли мы думать, что сказки сбываются...

Дархан теперь второй после Улан-Батора город Монголии. Второй по величине и по экономическому значению. Он дает пятую часть всей промышленной продукции республики.

Но не только своей промышленностью славен Дархан. Механик овчинно-шубной фабрики Станко Занев подарил нам большой ярко-красный помидор. «Болгарский?» — Да, сорт наш, — согласился Станко, — но вырос он здесь, в местном госхозе. Там и капусту такую выращивают, что и в Болгарии не увидишь».

Госхоз, расположенный в окрестностях Дархана, обеспечивает теперь хлебом, овощами и другими сельскохозяйственными продуктами не только население города — значительная часть зерна отправляется в другие аймаки.

Дархан еще строится, растет. Не случайно строитель — основная профессия дарханца. Средний возраст жителя города — 24 года, образование — 8,5 класса, квалификация — 3,2 разряда. Почти половина жителей Дархана — члены ревомола. В городе сейчас три профтехучилища, четыре техникума и один институт. В этих учебных заведениях молодые монголы постигают не только тайны будущей профессии. «Самая мудрая из наук — дружба», — гласит монгольская пословица. Город, только что отпраздновавший свое совершеннолетие, выросший с помощью братских социалистических стран, в Монголии называют «Найрамдлын Дархан» — «Кузница дружбы». «Дархан» значит «кузнец». Он красив, силен, он кует свое счастье.

— Наш город, как и Москва, расположен на холмах, — говорит мэр Дархана Г. Дамдин. — Но фунда-

ментом ему служат не скальные грунты. Фундамент Дархана — братская дружба народов социалистических стран. А дружба крепче скал.

ЭРДЭНЭТСКАЯ ПИРАМИДА

От Дархана до Эрдэнэта 180 километров автодороги.

От Дархана до Эрдэнэта тринадцать лет развития республики, которые знаменовали новый этап взаимоотношений между МНР и братскими социалистическими странами, новый этап социалистической интеграции.

Не впадая в преувеличение, беремся утверждать: Эрдэнэт — самый популярный ныне город Монголии. Строящийся в распадке покрытых редкой лиственничной тайгой сопок, он как бы фокусирует в себе прошлые достижения страны, сегодняшние ее задачи и показывает завтрашний день, перспективы развития монгольской экономики в будущем.

Его возникновение обусловлено открытием богатого месторождения меди на горе Эрдэнэт — Горе сокровищ. Древняя монгольская легенда рассказывает, что, создавая эту страну, бог довольно равномерно распределил на ее обширной территории разные сокровища. Но когда дележ был окончен, а в сумке осталось еще немало богатств, создатель высипал все в одном месте, которое и было названо людьми Эрдэнэт.

Легенда легендой, однако о том, что люди издавна знали о припрятанных в землях недрах полезных ископаемых, говорит не только древнее название места, но и остатки допотопных копей — вырытых вручную ям на склонах горы, у открытых выходов рудоносных жил. Когда лежавшие у поверхности запасы истощились, заглох и питавшийся ими немощный промысел. Сохранилось только название.

Что тут возможны залежи, пригодные для промышленного освоения, было известно давно. Геологическая партия, возглавляемая Александром Ивановичем Мартовицким, смогла подсчитать запасы и обосновать целесообразность строительства на Эрдэнэтом месторождении мощного современного горнообогатительного комбината.

В феврале 1973 года было принято решение о строительстве ГОКа. В 1974 году начато строительство и города. В конце 1978 года вступит в строй первая очередь ГОКа. В 1982 году, когда закончится строительство второй очереди и комбинат достигнет проектной мощности, он станет одним из крупнейших в мире.

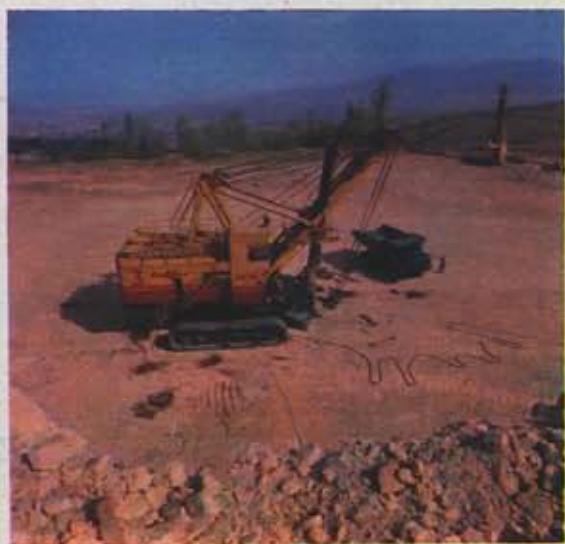
Так схематично выглядит краткая история совместного монгольско-советского горнообогатительного предприятия «Эрдэнэт». Как всякая схема, она страдает отсутствием деталей, без которых нет ясной картины того, что тут уже сделано и что запланировано сделать в будущем. Еще более необходимы детали и дополнительная информация для того, чтобы понять и оценить, как это делается.

Булганский аймак, в который входит Эрдэнэт, расположен на севере центральной части Монголии. На 50 тысячах квадратных километров здесь жило до последнего времени всего 37 тысяч жителей, из которых треть — в центре аймака, в городе Булгане. Число жителей будущего Эрдэнэта достигнет по нынешним прикидкам пятидесяти с лишним тысяч человек. Несложный расчет показывает, что население молодому городу сам аймак дать не может. Значит, строить ГОК, создавать всю инфраструктуру, сам город, а после — работать на промышленных объектах и жить в городе должны новоселы, приехавшие к подножию Горы сокровищ из других областей республики, а также из Советского Союза.

Суровый и малонаселенный край не так-то легко расстанется со своими сокровищами. В год здесь выпадает всего 355 миллиметров осадков. Район расположен у границы распространения вечной мерзлоты, которая встречается здесь в виде островов до глубины 20—200 метров. Зимой земля промерзает на два с половиной — четыре с половиной метра. Здесь часты ветры. Случаются землетрясения. Сейсмика отдельных промышленных площадок достигает семи-восьми и даже девяти баллов.

Разумеется, освоение Горы сокровищ потребует колоссальных капитальных вложений, которые не под силу «поднять» экономике одной только МНР. Именно поэтому «Эрдэнэт» — совместное монгольско-советское предприятие. Только опираясь на братскую помощь Советского Союза и стран СЭВ, членом которого Монголия стала в 1962 году, эта некогда отсталая скотоводческая окраина мира сумела при-

**НОВЫЙ
ТОРГОВО-БЫТОВОЙ КОМПЛЕКС
ПОСТРОЕН В ВИДЕ ЮРТЫ.**

К НЕДРАМ ГОРЫ ЭРДЭНЭТИЙН-ОБО.

ступить к решению крупнейших экономических проектов. Темпы, которыми Монголия шагает от патриархальной отсталости к современному производству, достойны удивления.

Советский Союз направил сюда всю необходимую для строительства технику. Новейшее оборудование советского производства монтируется и на самом предприятии. Достаточно сказать, что здесь на раз-

мелочении руды будет работать мельница, равных которой нет даже у нас в стране. Участие советских специалистов в строительстве, а в дальнейшем и в эксплуатации комбината становится тем более необходимым, что горная промышленность МНР еще недостаточно мощна, чтобы обеспечить собственными кадрами такое крупное предприятие, как «Эрдэнэт». К тому же флотация, которая здесь будет применяться для обогащения руды,—новый для монгольской промышленности метод, для освоения которого нужны не просто хорошо обученные кадры, но специалисты, имеющие производственный опыт.

Эрдэнэт вырастает не на голом месте. Он лишь заложен в единой цепи. Ведь при содействии Советского Союза и других братских стран строились Дархан, угольные разрезы, железнодорожные и шоссейные дороги Монголии, госхозы, леспромхозы—все, на что опирается ныне в своем росте Эрдэнэт. Он и сам, кстати, не последнее заложено в этой цепи.

Заместитель мэра и председатель городской плановой комиссии товарищ Цаян, рассказывая нам о перспективах развития городского хозяйства, назвал ряд промышленных предприятий, которые предстают перед нами «вторым членом семьи». Горная промышленность в основном мужская отрасль. Для женских рабочих рук будут построены ковровая фабрика, современный пищевой комбинат с хлебо- и маслозаводами, цехами кондитерских изделий и безалкогольных напитков, предприятие по изготовлению спецодежды, шерстомойная и прядильная фабрики, деревообрабатывающий завод, сеть предприятий бытового обслуживания. Чтобы обеспечить население овощами и молоком, сейчас создаются два новых госхоза.

Эрдэнэт—вершина гигантской пирамиды, основание которой начало возводиться не в 1974 году, а многими десятилетиями раньше. Удивительное дело, но особенно наглядно в этом убеждают не факты экономического порядка, вся эта выверенная рублем, тугриком, долларом прибыль на вложенный капитал, и даже не бесстрастные сведения о построенных дорогах, заводах, карьерах, на которых зиждется нынешнее строительство,—больше всего убеждают в этом биографии людей, с которыми знакомишься здесь.

Со всеми монгольскими руководителями в Эрдэнэте мы говорили без переводчика. Русским языком они овладели, когда учились в советских вузах или здесь, в МНР, в своих институтах, где преподавали советские специалисты.

Будет логичным посмотреть на Эрдэнэт и с такой точки зрения: участие советских людей в строительстве ГОКа и города.

Начальник управления строительства Анатолий Васильевич Чекашов рассказал, что в проектировании комбината и города Эрдэнэт участвовали двадцать два советских проектных института. Тысячи наших специалистов принимают участие непосредственно в строительстве. В тридцатисычном ныне Эрдэнэте советское население составляет значительную часть—представители пятидесяти трех национальностей. Как и на любой стройке, здесь много молодежи. Семьдесят процентов рабочих моложе 30 лет. 1226 комсомольцев.

Если эти цифры сравнить с аналогичными выкладками, взятыми на подобных новостройках СССР, нетрудно будет заметить, что наш специалист в Эрдэнэте выглядит постарше своего коллеги, работающего на БАМе, в тюменской лесотундре, на строительстве рудников Сибири и Дальнего Востока. Это, разумеется, создает свои проблемы, заставляет ускоренными темпами строить школы, детские сады, ясли для самой юной части жителей. Но если в демографическом плане более старший возраст означает семью и детей, в чисто производственном плане это прежде всего большой опыт работы, высокая квалификация, умение организовывать свой труд, знание профессии, которым можно поделиться с более молодым коллегой.

Анатолий Гуринович—старожил Эрдэнэта. Он приехал сюда из Новополоцка в середине апреля 1974 года, когда города еще не было. Я встретился с ним на строительной площадке в четвертом микрорайоне у будущего дома для малосемейных, который возводят сейчас его комплексная международная бригада.

— Когда мы добрались сюда из Дархана, нас поселили в поселке геологов в щитовом общежитии. На другой день нам, шестерым строителям, выдали инструмент, спецодежду и привезли на стройплощадку. Тут был вырыт котлован и стоял башенный кран—и все. Кстати, машинистом крана оказалась моя землячка из Новополоцка. Стали сколачивать бригаду, стали строить. Первым объектом была школа № 16. Недели через две прибыли по путевкам восемь первых монгольских комсомольцев. Специальностей они не имели, пришлось обучать их.

Вот так, переходя с одного объекта на другой, мы создавали коллектив. Работали на жилых домах, на язяях, учебном центре, строили магазин. Кроме на-

шей, на тех же объектах, разумеется, трудились и другие бригады.

В октябре 1974 года мы решили создать международную бригаду. Собственно, она и до того была таковой, но нам хотелось закрепить это официально. Сейчас у нас работают 19 ревсомольцев и 9 советских строителей: русские, белорусы, украинцы, татары. Расстановка такая, что по каждой специальности обязательно трудятся и советский и монгольский товарищи. У наших опыта больше, выше квалификация, поэтому, работая рядом, ревсомольцы быстрее овладевают профессией.

За три года через бригаду Гуриновича прошло около двухсот монгольских парней и девушек. Сейчас они трудятся в других коллективах. А он пополняет свою новобранцами, учит новичков, проводит конкурсы по профессиям и радуется, когда во время таких соревнований выработка учеников достигает двухсот процентов. Радуется, что его помощник Мурат, казах из западного района МНР, уже достиг четвертого разряда и сам теперь может работать бригадиром.

Как видим, Гуринович не только старожил, который начинал город от первого кольца, он один из тех, кто стоял у истоков замечательного движения, которым ныне охвачены в Эрдэнэте десятки производственных бригад, экипажей, смен, движения, позволяющего выдерживать высокие темпы строительства.

Международные экипажи «Найрамдал» («Дружба») созданы в управлении «Шахтстрой», которое ведет вскрышные работы на руднике. Эта форма содружества—когда на одном «БелАЗе» или экскаваторе работают посменно советские и монгольские водители и машинисты—помогает молодым не только глубоко освоить современную технику (чему их учили в наших технических училищах), но и быстрее достичь высокой выработки, что дается долголетним опытом.

Опыт и энтузиазм сплавляются у подножия легендарной Горы сокровищ.

В рабочую повесть Монголии вписываются новые страницы.

САМЫЙ НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дархан—символ строительства новой Монголии в шестидесятые годы. Эрдэнэт олицетворяет собой новый подъем социалистической интеграции в наши дни. Какая стройка программа на весь мир в восьмидесятые годы—нам пока неизвестно. Но мы уже хорошо знаем героев этой будущей стройки. Они еще учатся в первом в Монголии профессионально-техническом училище, которому недавно исполнилось десять лет.

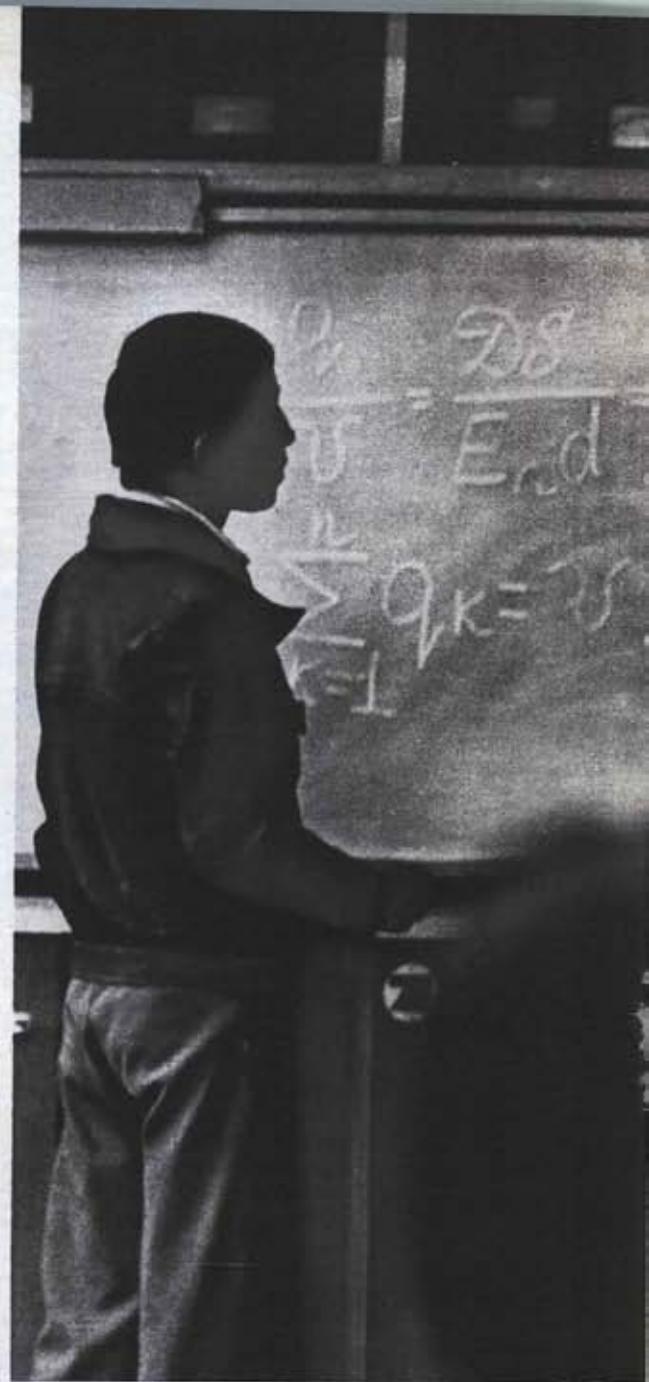
Это событие не было фактом «местного значения». По сути дела, юбилей училища—это юбилей всей системы профессионально-технического образования Монгольской Народной Республики. И съехались на праздник гости даже из самых дальних аймаков страны. Многие из них никогда не знали друг друга, а встретились как родные, потому что все они строители, все получали путевку в жизнь в стенах этого училища. «Стены», правда, многие не узнали, смотрели на них с восхищением: училище накануне юбилея получило новое здание, с хорошо оборудованными учебными аудиториями, мастерскими, лабораториями. И строили его, кстати, многие из выпускников первого улан-баторского строительного профессионально-технического училища.

— Заходите, дорогие гости,—приглашает своих бывших воспитанников директор училища Ж. Гомбо.—Заходите, как к себе, чувствуйте, как в родной юрте, не забывайте, что все мы—один аил.

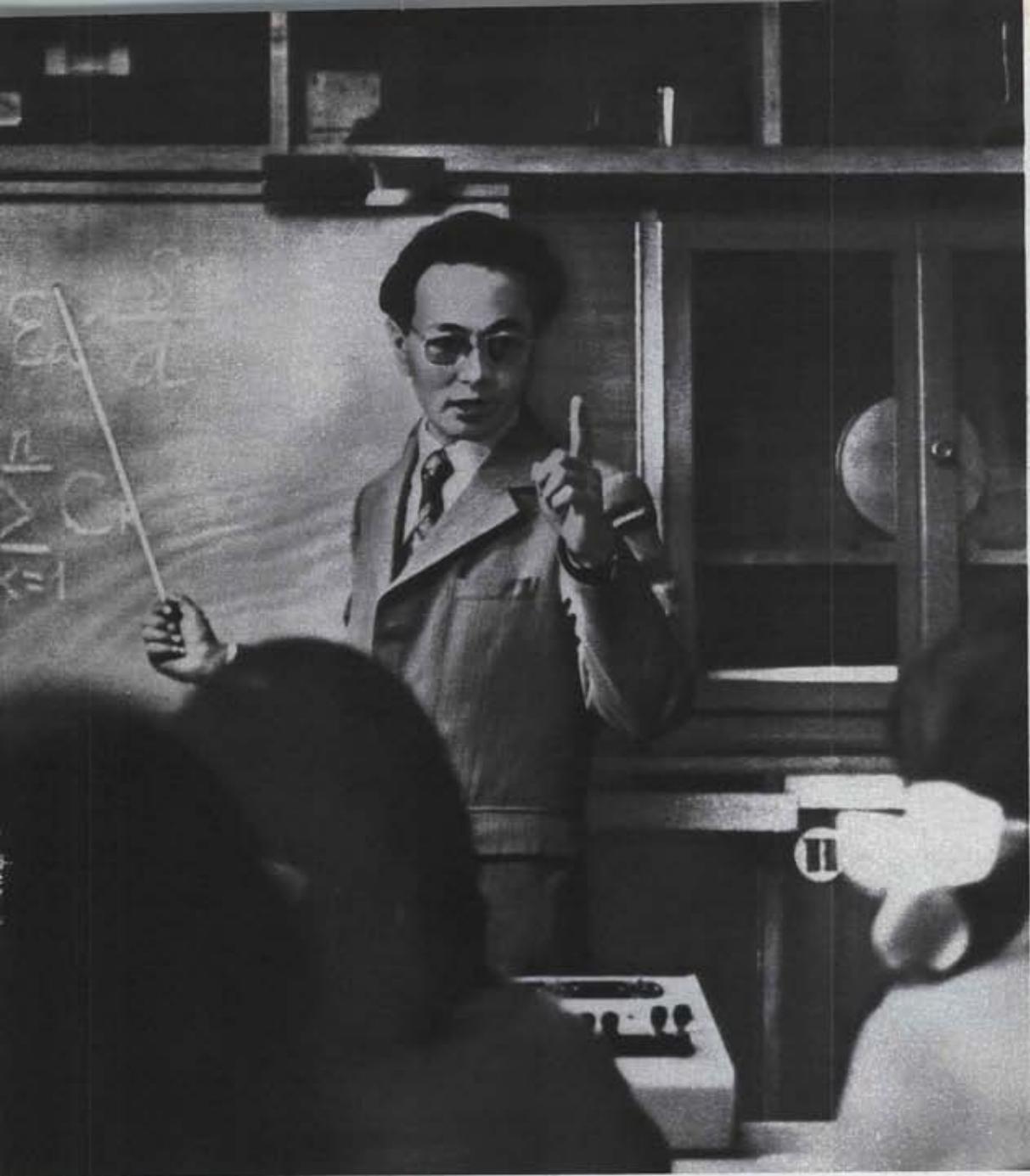
Главные гости—первые выпускники—не удерживаются от восхищения, рассматривая новые кабинеты и лаборатории, напичканные радиоэлектроникой, сложным оборудованием.

— Дорогой дарга,—обратился к директору плотник С. Цэндэрж, приехавший из Селенгинского аймака,—в таких условиях можно быстро научить человека не только юрту поставить.

Может быть, вы не представляете себе, что необходимо для постройки монгольской юрты, то есть гэр. Сначала ставят каркас юрты. Иными словами, ставят ханы—решетчатые стены, створчатую дверь, то есть верхнее кольцо, от которого подобно лучам расходятся во все стороны уни—длинные, тонкие жердочки, концы которых покоятся на головках ханы. Много терпения и смекалки нужно для составления каркаса юрты. Особенную трудность представляет сборка решетчатых стен. Большинство гэр имеют по шесть хан. Деревянный каркас покрывают сверху и

А. ЖАРГАЛСАЙХАН
СТАНЕТ ШТУКАТУРОМ.

УРОК МАТЕМАТИКИ.

сбоку белыми, как снег, войлочными кошмами соответствующих размеров и форм. Так встает на зеленом ковре стели белая юрта—традиционное жилище кочевника-монгола. Однако дело этим отнюдь не ограничивается. Потребуется обстановка—этажерки, сундуки с украшениями, деревянная кровать, одежда хозяев и домашняя утварь и многое, многое другое. Все это создается благодаря умению и старанию искусственных мастеров-столяров, мастериц-швей.

Наконец, надо будет раздуть огонь в очаге, который служит символом счастья и вечности. Ведь немыслимо же представить айл—семью—без очага! Чтобы огонь в очаге вечно горел и озарял все вокруг, ставят его на опору из трех камней. И недаром же монголы славословят в своих песнях три камня очага, как основу крепости семьи и могущества хозяев.

Все дома и дворцы, возведенные руками искусственных мастеров-строителей, могут быть сравнены с айлом.

История первого в Монголии ПТУ—улан-баторского строительного профессионально-технического училища—подобна истории одного айла—семьи. Хозяин юрты Ж. Гомбо—директор училища. Он, как и всякий другой хозяин юрты и отец семейства, постоянно заботится о том, как сделать училище лучше, чтобы выходили из его стен истинные мастера, способные поставить не только юрту, но и многоэтажный дом.

Когда Ж. Гомбо впервые переступил порог нового учебного заведения, его встретили длинный коридор с дощатыми перегородками для гардероба, голые стены кабинетов и пустота мастерских.

В первом монгольском ПТУ не хватало не только станков и инструментов. Не было самой системы и, естественно, опыта обучения, не хватало учебных пособий и учебников на родном языке... Несколько мастеров-производственников и преподавателей со средним специальным образованием, ставшие первыми наставниками будущих рабочих, совершенно не имели педагогических навыков. Пришлось вначале обучать не учащихся, а самих преподавателей. Помогли в этой работе учебно-методические объединения

школ и вузов. К счастью, вскоре прибыли двадцать советских специалистов-преподавателей. Они и составили первые учебные планы и методику занятий.

Начался первый учебный год преподаванием некоторых специальных предметов на русском языке. Лекции переводили монгольские преподаватели. Но по-прежнему не хватало помещений. Мастерские пришлось устроить в бывших рабочих общежитиях, гаражах и складах, в которых стояли глухие громыхающие машины, визг пил и скрежет железа.

Однажды директор зашел в котельную при училище. А там один из мастеров бросал в топку аккуратно распилленные дощечки.

— Что это?— спросил Ж. Гомбо.

— Отходы от практических занятий в столярной,—ответил мастер.

— Какие же это отходы? Ведь пилили и строгали их не для топки!—негодующе воскликнул директор.

— А что еще с ними делать?— удивился мастер.

В тот же день директор собрал преподавателей и мастеров и объявил... нет, не выговор—конкурс на лучший проект по использованию отходов в столярной мастерской. О конкурсе вскоре узнали и учащиеся и тоже стали приносить в директорский кабинет свои предложения. В конце концов пришло устроить выставку проектов в коридоре: в кабинете она уже не помещалась. Были здесь русские матрешки и детские лопаты, деревянные верблуды и красочные маски. Специальный совет, в который вместе с преподавателями входили и учащиеся, тщательно разобрал каждое предложение, учитывая и сложность изготовления, и потребность того или иного изделия, и даже его экономичность. Решили выпускать вещи практические, пользующиеся наибольшим спросом,—вешалки, ручки для молотков и топоров, небольшие сундучки и шкатулки...

Этот конкурс помог не только сэкономить множество пиломатериалов, но и принес училищу ощутимый

доход. А главным итогом этого, в общем-то довольно случайного, не занесенного в учебные программы мероприятия были вовсе не деньги, но та творческая атмосфера поиска, которая с тех пор заполнила училище.

«Почему этот конкурс только для столяров?»—спрашивали будущие слесари, каменщики, штукатуры, сантехники. И приходили к мастерам, преподавателям, директору со своими предложениями. Слесари, например, стали изготавливать молотки, ключи и другие металлоизделия.

Во время практических занятий будущие маляры и штукатуры предложили сначала отремонтировать слесарную мастерскую, а будущие слесари занялись ремонтом всего сантехнического оборудования, каменщикиозвели новое здание мастерских. Вскоре весь ремонт в училище проводили своими силами и средствами, полностью отказавшись от государственной субсидии.

Появились в училище специальные кружки технического творчества. Сейчас их уже 23, и, что важно, объединяют они ребят независимо от их будущей специальности. Над созданием какого-нибудь электронного экзамена вместе колдуют будущий слесарь и каменщик, а штукатур и плотник тщательно изучают чертежи новой ракеты, опубликованные в советском журнале «Юный техник». У одного из мастеров мы увидели толстую тетрадь с многозначительной надписью «Книга интересов»—интересов его подопечных.

Нет, вовсе не случайно коллектив улан-баторского строительного профессионально-технического училища пять лет подряд занимает первое место в конкурсе технического творчества учащихся ПТУ. В 1977 году училище присудили первое место за создание лингафонного кабинета. Этот кабинет оборудовали электрик С. Жугдар и мастер-столяр А. Цргт. Конечно же, с помощью учащихся.

Опыт и знания мастеров и преподавателей, творческие возможности самих учащихся, способных с честью справиться с любым заданием, позволили организовать при училище специальное конструкторское бюро, единственное в системе профтехобразования страны. У этого КБ нет своего собственного помещения, нет штатных сотрудников, но тем не менее оно пользуется добром славой далеко за стенами родного училища, и заказы самодеятельным конструкторам поступают едва ли не со всех концов страны.

Директор представил нас мастеру С. Гомбо, который считается в училище «главным конструктором». В молодости он окончил только краткосрочные курсы строителей-мостовиков.

Конструктором мастер Гомбо стал неожиданно даже для себя. Однажды на практических занятиях ему потребовалось показать учащимся щебень для покрытия дорог. Но даже такого материала в училище тогда еще не было. И мастеру пришла в голову мысль самому сделать камнедробилку. Именно с этого нехитрого механизма начался его путь изобретателя. С тех пор он сконструировал машину для раскряя листового железа, для уборки помещений скота, газонокосилку, механическое приспособление для подгонки половиц, электрорезку железа и другие механизмы, которые облегчили труд людей и помогли учащимся быстрее постигать секреты мастерства.

«Знания ученика—от учителя»,—гласит пословица. Мастера и преподаватели этого училища, как мы убедились, люди умелые, знающие. Под стать им и ученики. По данным прошлого года, среди отличников учебы—почти половина всех учащихся. Из трехсот выпускников 1978 года более двухсот претендуют на повышенный разряд.

— Главный источник мастерства наших выпускников—дружба с советскими специалистами,—утверждает директор.—Наши учащиеся проходят производственную практику на объектах советского общественного треста № 2, знакомятся там с работой советских каменщиков, сантехников, маляров, монтажников, перенимают их опыт. И не только в строительстве. У нас проходят совместные вечера отдыха, конкурсы художественной самодеятельности, спортивные соревнования. Работают в тесном контакте комсомольская организация треста и революционная организация училища. Так что и связи у нас не просто деловые и дружеские, они творческие.

И мастера и учащиеся, с которыми нам довелось беседовать, считают свою профессию—профессию строителя—самой лучшей, самой необходимой на земле. Возможно, так оно и есть. Ведь в принципе все начинается со стройки, со строителя. И, наверно, вовсе не случайно первое в Монголии ПТУ—строительное. Только это училище подготовило за годы своего существования около пяти тысяч квалифицированных рабочих, среди которых есть и Герои Труда и депутаты Великого Народного хурала. Строитель—это самая массовая сейчас профессия среди монгольских рабочих. Монголия постоянно строится, растет вверх. И поднимают ее самые необходимые люди на земле—строители.

Олег СПАССКИЙ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

Дорога, тем более дальняя, ключ к стране. К ее характеру. К ее истории. К сегодняшнему дню.

Мысль эта не оригинальна, но от частого повторения истинности своей она не утратила.

В Иркутске пересадка: в Улан-Батор мы полетим самолетом монгольской авиакомпании. Пассажиров попросили застегнуть привязные ремни, но вдруг гул двигателей стих. Вышел капитан корабля и, проходя между креслами, объяснил:

— В Улан-Баторе ветер. Аэропорт закрыт...

Мы тоскливо слоняемся по залу, раз-

глядываем фотографии, висящие на стенах, снова и снова пьем кофе.

Ожидание сближает, мы постепенно знакомимся с попутчиками, и я вдруг понимаю, что вынужденная эта задержка предваряет знакомство со страной, как увертюра, где в несколько минут укладываются все музыкальные темы, что прозвучат в опере.

Девушка лет двадцати с небольшим. Зовут ее Цэрэн. Врач. По-русски говорит уверенно. Рассказывает о работе, о коллегах:

— Мы наверстываем упущенное. Знаете, первая государственная больница была открыта в Улан-Баторе только в 1925 году, спустя четыре года после революции, и было в ней пятнадцать

НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН В УЛАН-БАТОРЕ.

коек. Не верите, да? А в новой центральной больнице 1300 палат и кабинетов, и поликлиника при больнице принимает ежедневно более двух тысяч человек...

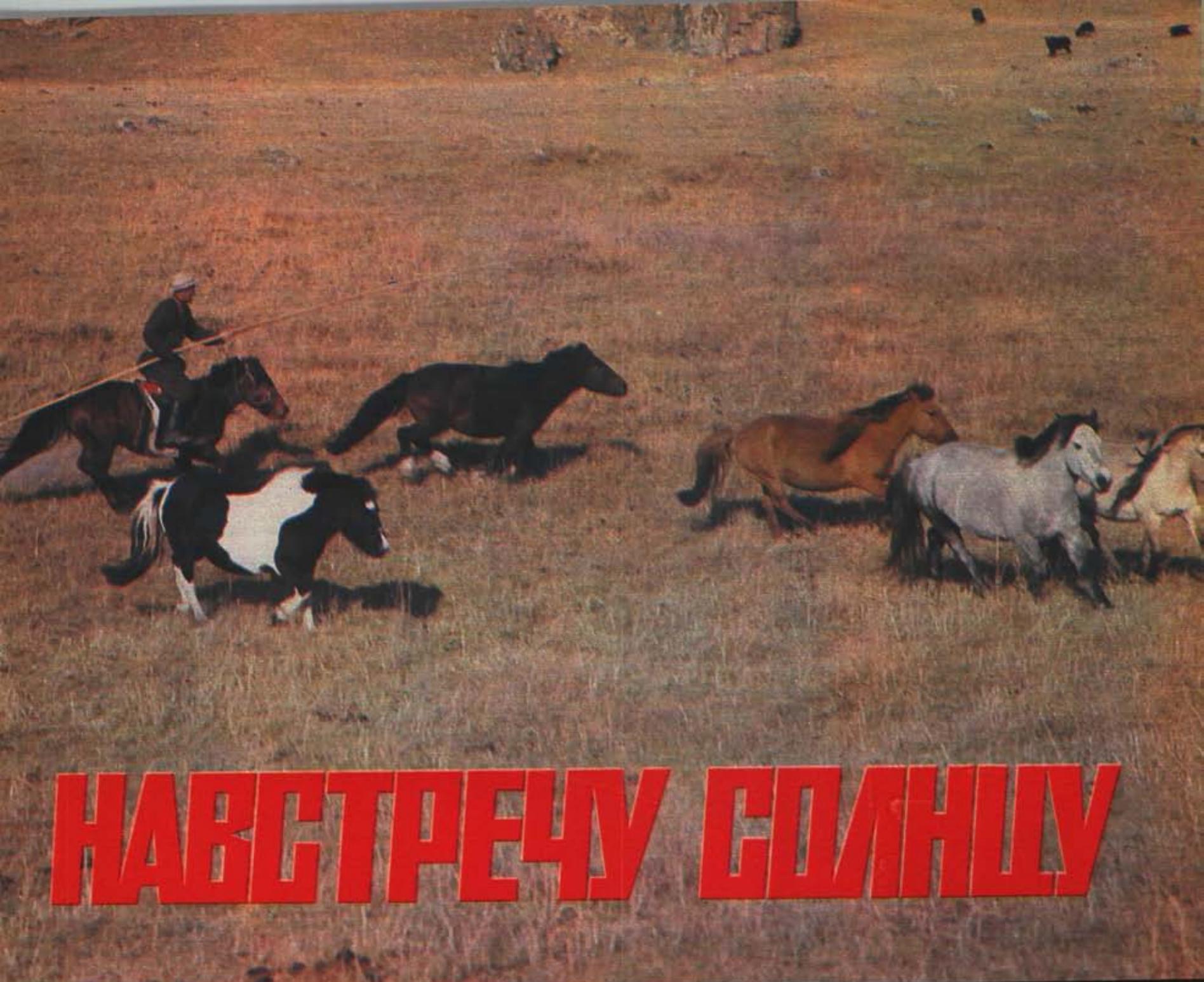
Три наших строителя возвращаются из отпуска. Все трое из Дархана, из строительного треста.

— Работаем не только в Дархане. Недавно построили великолепный

МОНУМЕНТ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ.

ВСАДНИКИ ЛЕТЯЩИЕ

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

В ХАНГАЙСКОЙ СТЕПИ.

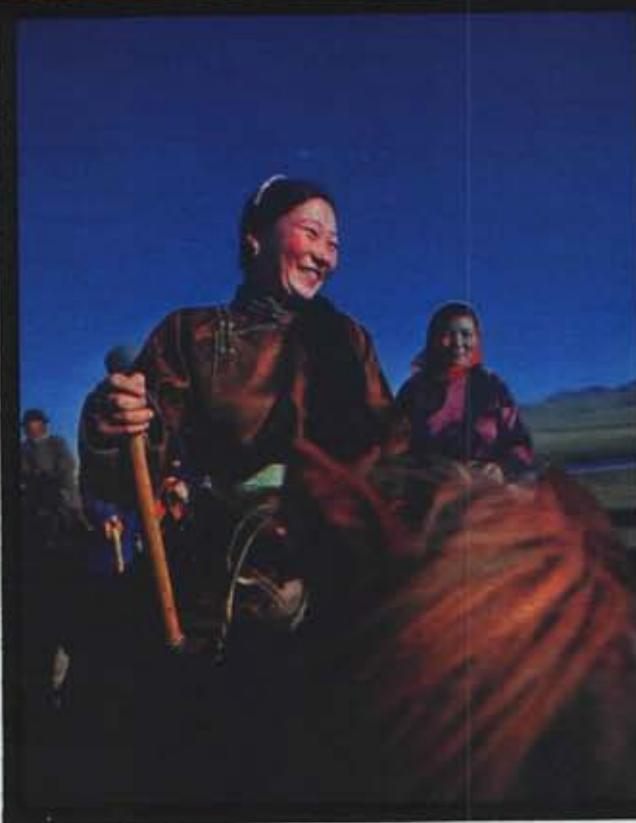
школьный комбинат в Улан-Гоме, в тысяче семистах километрах от Дархана. Это дарственный объект. Школа богаче иных институтов. Дети, входя в здание, разуваются, а учителя ходят в тапочках — школа воспринимается почти как музей. Мы не только строим, но и передаем опыт. Монгольские строители уже научились возводить отличные пятиэтажные дома...

Польская речь. Четыре пассажира разного возраста.

— Еще не были в Монголии. Едем на три месяца. Сменить коллег. Но уже многое, кажется, знаем. Знаем, что монгольские товарищи овладели всеми специальностями, что мы теперь нужны не как рабочие или инженеры, но как консультанты. Ну да, как наставники...

И еще два пассажира. Охотники из ФРГ. Один спокойно говорит по-русски. Собеседнику, худощавому и седому, в тяжелых альпийских ботинках и штормовке, шестьдесят шесть лет. Коллекционирует рога. Охотился в Южной Америке, в США, в Кении, Танзании...

Путь в Монголию не близок. Сначала из Бремена добрались до Франкфурта-на-Майне, затем «Люфтганзой» до

ДЕВУШКИ ИЗ СОВХОЗА
«ХАРХОРИН».

МОЛОДОЙ АСТРОНОМ ГАНБАТОР УЧИЛСЯ В ХАРЬКОВЕ.

Москвы, «Аэрофлотом» до Иркутска, и теперь вот монгольской авиакомпанией. А впереди — долгое путешествие на машинах.

Пока ждем погоды, разговариваем с попутчиками, думаю о Монголии, о предстоящем знакомстве с ней, думаю о стране загадочной, влекущей строителей, геологов, охотников.

Вспоминая герб страны, думаю о всадниках, скачущих навстречу солнцу.

И спустя две недели в том же Иркутском аэропорту, приводя в порядок записи, ищу ответ на вопрос, с чего начать рассказ о встречах и впечатлениях о людях, которых узнал и с которыми подружился. И тщетно пытаюсь определить, что же произвело наибольшее впечатление...

...ТО ЛИ ВСАДНИК с угрой, длинным шестом, на конце которого петля аркана, летящий не по гербу страны, а по степи. Только ветер упругий свистит, только конский топот нарушает бесконечную песнь ветра.

Дикий конь, которого ловят всадник, уходит в степь, мчится по громадному кругу, скрываясь за хашаном, прильнувшим к крутым склону холма. Простой этот деревянный навес, где стены возведены не до потолка, — простейший вид скотного двора, укрывающий скот в непогоду. Конь появляется из-за хашана, преследующий его всадник все ближе и ближе, точное, рассчитанное до

дых скотоводов, и, пока в юрте готовятся к приему гостей, мы рассматриваем стоящую.

Несколько юрт, из труб выется дымок: солнце садится все ниже, и скоро семья соберется к ужину. На войлочной крыше, затянутой сверху непромокаемой тканью, сушится сухой сыр, что-то среднее по вкусу между абхазским сулугуни и болгарской брынзой.

В юрте молодая женщина, на кровати лежит мальчишка. Давасурэн девятнадцать лет, и это первый ее ребенок. Потом молодая чемпионка расскажет, что она и муж ее, Катушка, — он тоже скотовод — хотели бы иметь четверых детей.

Давасурэн окончила восьмилетнюю школу и по путевке ревкома пошла работать дояркой. Поначалу было трудно, сейчас, однако, с работой освоилась. Теперь у нее уже стаж — четыре года. Пятнадцать коров у чемпионки, и она добилась рекордных для Монголии наливов молока. С одинаковой ловкостью и мастерством доит коров и кобылиц.

Давасурэн протягивает пиалу с кумысом — левая рука поддерживает за локоть правую, в которой чаша: так — от сердца — угощают по монгольским обычаям друга. Потом подводят к рамке, в которой фотографии членов семьи. Вместе с ними фотографии товарищей Юмжагийна Цеденбала и Леонида Ильича Брежнева. На тумбочке транзисторный приемник. Наш ВЭФ. Вещь незаменимая в жизни современного архата — прогноз погоды здесь не совет, брать ли с собой утром зонт. Прогноз погоды — едва ли не самое существенное в работе: синоптики подсказывают, когда ждать бурю, ураган, резкое похолодание, когда собирать скот поближе к хашанам.

Потом мы едем по степи, «узик» петляет между холмов, в сумерках камни цвета позеленевшей от времени бронзы кажутся особенно красивыми и загадочными: строгость и стройность каменных сооружений озадачивают, с трудом веришь, что это работа ветра, а не труд тысяч безымянных строителей, живших в этих краях сотни лет назад. Странными кажутся здесь болота, невесты как попавшие на высоту более полутора тысяч метров. Шофер равнодушно катит по воде, включая «дворники», когда машина вдруг проваливается слишком глубоко, поднимая высокие фонтаны брызг.

То совсем рядом, то вдали появляются отары овец, верблюды, стада коров, табуны коней.

Джаху, первый секретарь аймачного комитета ревкома, на долгом пути в Арбай-Хэрэ, центр аймака, рассказывает, что нам повезло, что попали мы в Узв-Хангайский аймак:

— У нас восемьдесят тысяч жителей, но на долю нашего аймака (а аймак, как у вас область, сомон — аналог района) приходится два миллиона голов скота.

Мы занимаем первое место в стране по развитию животноводства...

Трудно представить себе Монголию без этих громадных, насчитывающих в сумме миллионы голов отар и табунов, и хорошо понимаешь, почему на гербе страны, в самом центре круга, изображен арат с угрой в руках, скачущий навстречу солнцу.

...ТО ЛИ МЕМОРИАЛ на горе Зайсан, видный едва ли не с любого места, с каждой улицы Улан-Батора.

Шестьсот тридцать две ступени ведут к обелиску, высота которого двадцать восемь метров. Мемориал посвящен советским воинам. Ряд табличек — надписи гласят, что сюда привезена священная земля из наших городов-героев. И из Алтана-Булака, колыбели народной революции. И с берегов Халхин-Гола.

Жизнь ваша
продолжается в нас.
Слава ваша
вечна, как эпизон.

Стоя у Вечного огня, окружив разноцветным, враз притихшим хороводом гигантскую чашу, дети, третий класс одной из столичных школ, монгольские и советские девчонки и мальчишки, слушают рассказ учительницы.

Учительница рассказывает об истории. О боях на Халхин-Голе и на Волге, о героях Брестской крепости, о несгибаемом мужестве защитников Ленинграда.

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО ХАРХОРИНА НИКОГО НЕ ОСТАВЛЯЕТ РАВНОДУШНЫМ.

долей секунды движение, и беглец, пойманный угрой, резко замедляет бег.

Бадарч подъезжает к нам.

— Все хорошо?..

Благодарю Бадарча. Это уже пятый конь, которого он ловит за считанные минуты, — как отказать в просьбе фотокорреспонтеру?

Бадарчу двадцать семь лет. Он родился и вырос здесь, в этих местах, в Узв-Хангайском аймаке, учился, отслужил положенный срок в пехоте и снова вернулся домой — к извечному, не знающему выходных или отпусков труду арата-скотовода.

И отец Бадарча и дед его пасли стада на этих холмах в бескрайней степи. Стойбища, где пять—десять юрт, отстоят друг от друга на многие километры, и в гости к соседу здесь заглядывают не каждый день.

Мы приехали к Готов Давасурэн, сестре Бадарча, чемпионке среди моло-

Памятник воинам.

Монумент вечно живой дружбы.

Если бы не догадывался я, что не сколько часами раньше, на сегодняшнем уроке, если бы не знал твердо, что и завтра и послезавтра будут учители рассказывать школьникам о великой, пронесенной через десятилетия дружбе братских народов, я попросил бы разрешения добавить, что мы не только вместе воевали, но и вместе работали, работаем, будем работать.

Годы двадцатые. 1921-й. Владимир Ильич Ленин принимает делегацию народного правительства Монголии, в которую входит Сухэ-Батор.

Годы тридцатые. 1936-й. Правительство СССР подписывает с правительством МНР протокол о взаимной помощи...

1937-й. Наша страна дарит МНР 10 машинно-сеноносных станций, помогает строить механический завод и промышленный комбинат в Улан-Баторе.

1939-й. Красная Армия спешит на помощь МНР, отражающей агрессию японской военщины в районе реки Халхин-Гол.

Годы сороковые. На средства монгольского народа созданы танковая колонна «Революционная Монголия» и эскадрилья истребителей «Монгольский арат». Араты (крестьяне-скотоводы) делят сражавшейся против германского фашизма Красной Армии шестьдесят тысяч скакунов.

Годы пятидесятые. Рождаются десятки новых промышленных объектов — шахты, электростанции, заводы, и в строительстве важнейших из них принимает участие братский Советский Союз.

Годы шестидесятые. 1962-й. Монголия вступает в Совет Экономической Взаимопомощи. Символ этого десятилетия — Дархан. Как стал символом семидесятых Эрдэнэт.

Внимательно слушают дети рассказ учительницы.

...Цветы на Зайсан-Толгое, на холме славы.

Каждый день свежие. И в летний беспощадный зной. И в зимнюю стужу, когда стынет на ветру слово.

...ТО ЛИ ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА страны Каракорум, называемая иначе — Хархорин.

Под легким дуновением ветра позвякивают колокольчики, укрепленные под углами загнутых по-монгольски квадратных карнизов. Тишина. Стена, в которой сто восемь четырехгранных, суживающихся кверху башен-субурганов, каждая из которых посвящена историческому событию или чем-либо прославившемуся ламе, отсекает внешний мир, и только ласточкой, шныряющей вокруг, напоминают о том, что есть жизнь и за границами монастыря Эрдэнэ-дзу, монастыря «столица сокровищ».

Триста девяносто второй год стоят

эти здания тибетской, китайской, монгольской и уйгурской архитектуры, построенные Абатай-сайн-ханом в 1586 году. Ни один гвоздь не был вбит в эти стены, но триста девяносто второй год стоит этот монастырь, не утратив свежести красок, тайна которых не разгадана и по сию пору. Первый в истории Монголии монастырь — самый древний из буддийских храмов на территории страны, поразительный памятник монгольского зодчества. И усыпальница Абатай-сайн-хана и сына его и гигантская каменная черепаха, символ бессмертия и вечности, страха, предохраняющий от наводнений, переживут и нас и детей наших — история вечна.

Тишина. Бесконечная, первозданная тишина. Маски добрых и злых божеств, бурханы — буддийские святыни, курительницы и кадила, иконы, на которых многоликие, многогорукие и многоглавые будды — глаза даже на пятках, жертвенные сосуды из человеческих черепов...

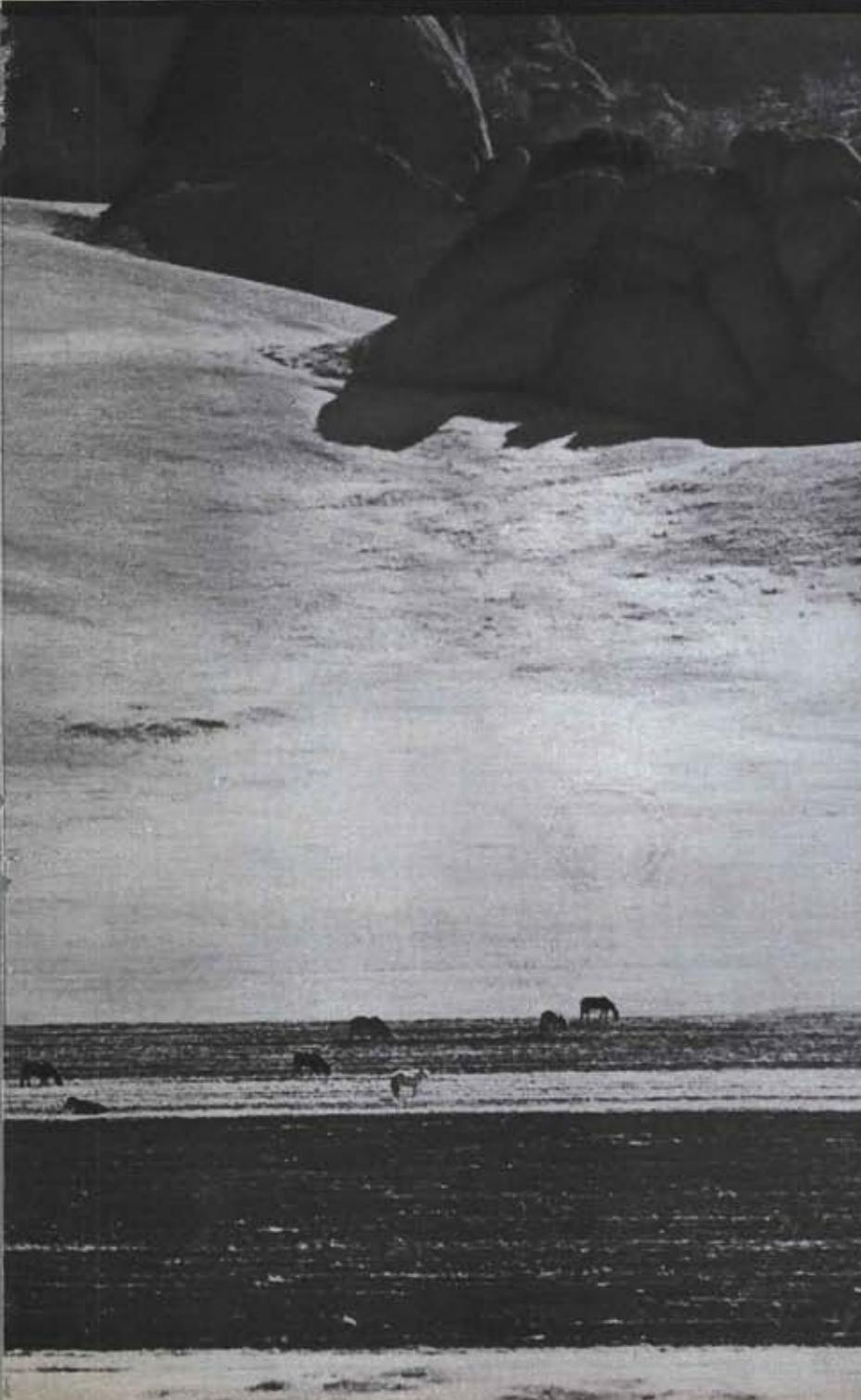
Тишина. Бесконечная, первозданная тишина.

И чудится горячий топот скакуна.

И я протягиваю руку к мешочку, в котором зашил песок, и бью в медный гонг, звук плывет, не стихая, секунды, минуту, вторую, и я возвращаюсь в глубь веков, когда не Эрдэнэ-дзу, а дворец хана Угэдэя, третьего сына Чингисхана, стоял здесь, в центре Каракорума, древней столицы Монголии, построенной на

нашего старшего сына Джучи-хана, подчинив ему западные улусы. Мы повелели пойти ему дальше к закату солнца с войском наших храбрых монголов. Мы повелели ему идти покорять вселенную до последнего моря, до того места, куда может ступить копыто монгольского коня. Но тайный враг, подобно черной собаке, подползающей в дождливый день, подкрался к нашему непобедимому сыну и обратил богатства Джучи-хана в плах, развеянный ветром. Мы назначили повелителем монгольского войска, идущего на западные страны, моего смелого и доблестного внука Бату-хана, сына Джучи-хана. Он поведет к новым победам и прославит собранный мною монгольский народ, для чего я даю ему знамя с рыхим хвостом моего боевого коня... Бату-хан сорвет с неба утреннюю звезду, уничтожит всех врагов, покорит вселенную до того места, где проваливается солнце. Тогда водворится всюду монгольская власть, прекратятся мор, голод и засуха и настанет всеобщий мир».

Но победы Чингисхана и его преемников отбросят на несколько столетий назад не только порабощенные народы, но принесут неисчислимый ущерб и сдвиг завоевателям. Войны эти приведут к экономической и культурной отсталости Монголии. Страшной, немыслимой отсталости, возможной только в том единственном случае, когда страна остается на обочине мирового развития

НА ВЫСТАВКЕ СОВЕТСКОЙ КНИГИ.

ГРАФИКА ПРЕДГОРИЙ.

берегу реки Орхон в начале тридцатого столетия.

Я вижу серебряный фонтан, напоминающий дерево, вижу пасти четырех золоченных змей, обвивающих ствол дерева, слышу шум воды. Но то не вода. Из пасти одной змеи льется кумыс, другая отдает не яд, но мед, третья — рисовое пиво, четвертая — вино.

Я слышу скрип пера, которым пишется указ Чингисхана, великого «священного правителя». Вспоминаю страницы книги Василия Яна «Нашествие Батыя», прочитанные в юности:

«— Слушайте, непобедимые воины, слушайте! Вот что повелел десять лет назад великий «священный правитель». Вот какие слова записаны в его завещании: «Мы возвели на ханский престол

цивилизации. Уже в нашем, двадцатом веке, когда океаны бороздили громадные паровые суда, когда паровоз Стивенсона давно перестал быть загадкой, во многих районах Монголии все еще не умели делать круглых колес.

Прекрасны музеи, бережно сохраняемые народом. Прекрасен Улан-Баторский музей-дворец, в котором жил бодго-гээн, верховный правитель Монголии, но этот буддийский храм, выстроенный в конце прошлого века, напоминает не только об искусстве мастеров, но и о невообразимом, чудовищном заилье лам: к началу народной революции в стране было семьсот монастырей и свыше ста тысяч лам, и это при том, что все население Монголии равнялось примерно 500—600 тысячам человек. Иными словами, едва ли не половина мужского населения была ламами, едва ли не половина мужчин была оторвана от труда.

Прекрасен Хан-музей, прекрасна коллекция, в которой 21 богоматерь, созданная монгольским скульптором Зана-

МОНГОЛ РОЖДАЕТСЯ НА КОНЕ.

базаром, работавшим в конце семнадцатого—начале восемнадцатого века. Прекрасны главные ворота храма, где восемь бревен держат тяжесть громадной, этажей в шесть—семь, постройки, возведенной без единого гвоздя. И снова величественный памятник прошлого напоминает не только о прекрасном искусстве его создателей, но и о том, какой ценой заплатили за это архитекторы: 280 тысяч ланов серебра, другими словами, примерно десять тысяч килограммов серебра стоили ворота, пройти в которые могли далеко не все, кто внес свой вклад в их сооружение.

...ТО ЛИ «ХАРХОРИН» — не древняя столица, но госхоз. Необычный еще сравнительно недавно для Монголии госхоз. Специализирующийся на развитии земледелия.

И в Арбай-Хэрэ, и в Худжирте, и в степи, около юрт, видел я людей, носящих гутулы — обувь, носки которой загнуты кверху.

Батбаяр, сотрудник ЦК ревкома, вместе с которым мы путешествовали по стране, пояснил:

— Чтобы не царапать землю. Земля священна — она кормит скот.

Пахать землю считалось грехом. Хлеб в Монголии практически не сеяли. Хлеб в Монголию везли издалека.

Нас принимает Гомбосурэн, директор госхоза «Хархорин», уважаемый в республике человек, один из первых девяноста ветеранов труда, которым вручен знак «Наставник молодежи».

Проходим мимо старого трактора, вознесенного на постамент — трактор этот вспахал здесь первую борозду, и Гомбосурэн рассказывает:

— Создан госхоз в 1956 году, а назван так потому, что расположен рядом с древней столицей страны. Пахотных земель у нас 28 тысяч гектаров, обраба-

тываем ежегодно 19 тысяч, остальные под паром. По плану должны сдать государству 19 тысяч тонн зерна, а собрали уже (мы разговаривали в самом конце сентября) 26 тысяч тонн.

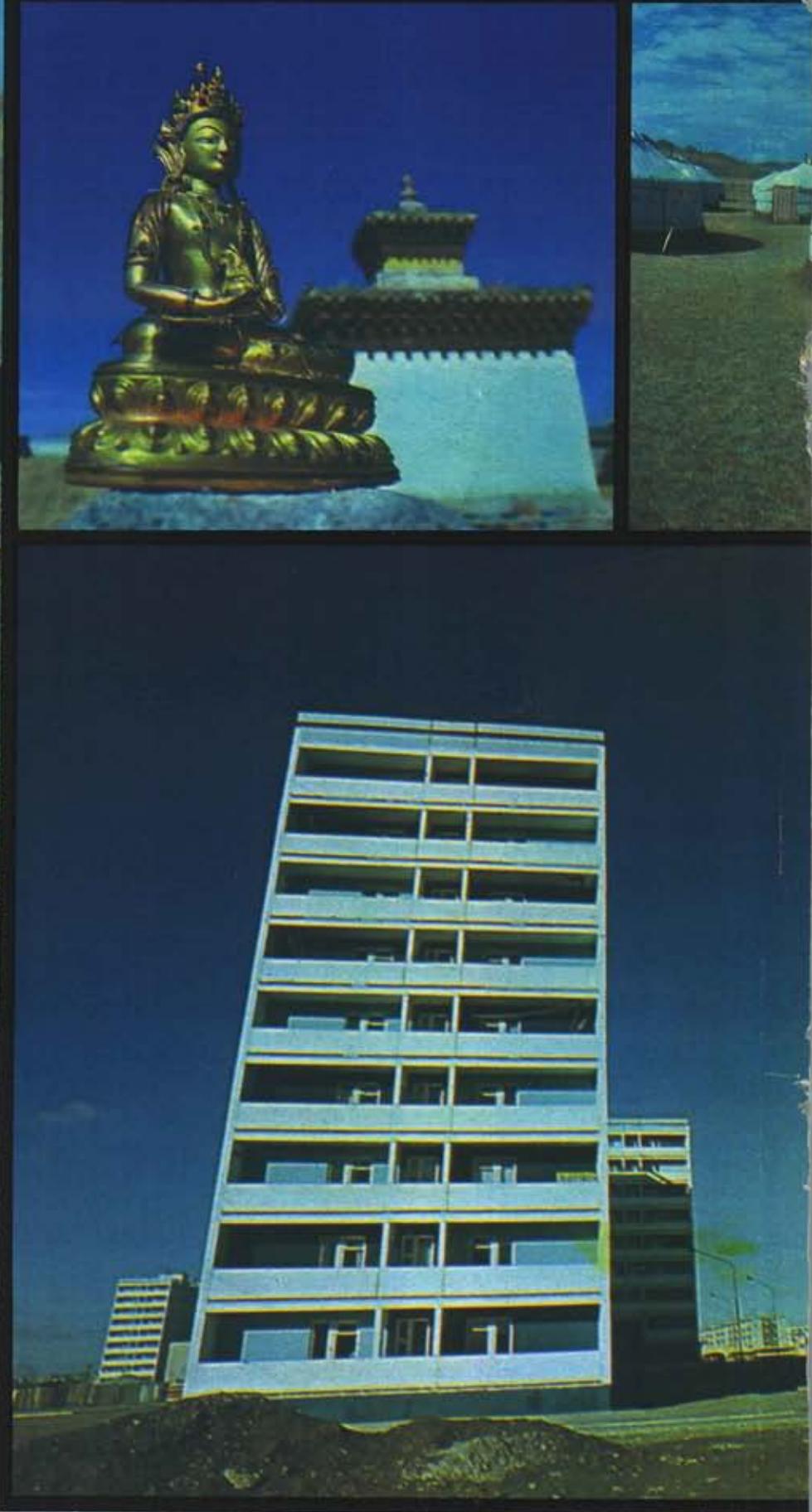
Вторая по значению отрасль хозяйства — полутонкорунное овцеводство. У нас девяносто тысяч голов скота — свыше 60 тысяч коз и овец, 15 тысяч коней, 12 тысяч коров, три сотни верблюдов.

В госхозе 760 ревкомомильцев, семьдесят процентов коллектива составляет молодежь.

Земледелие для нас дело новое. Всерьез заниматься им стали только в

этой скульптуре три столетия.

шестидесятые годы. Специалистов не то что не хватало, просто не было. Помогали товарищи из Советского Союза. Сначала работали десять советских агрономов, а сегодня остался один, специалист по эрозии почвы: подготовлены, воспитаны с вашей помощью национальные кадры. Не хватало на первых порах и рабочих рук — араты-скотоводы неохотно расставались с привычным делом, с кочевой жизнью. Мы учтывали традиции и психологию людей: работники госхоза имеют в своем подсобном хозяйстве в среднем по восемнадцать голов скота. Добровольцы ехали по путевкам партии и ревкома. Преимущественно юноши, молодые люди. Когда кто-то уезжал в отпуск, в родные места, мы давали «поруче-

нис» — возвращаться с невестой. А сейчас пятьдесят один процент работающих в госхозе — женщины.

Агроном Дагва, который вместе с нами приехал на ток, добавляет:

— Моя судьба — иллюстрация к тому, что говорил наш директор. Я учился в Тимириязевке, на агрономическом факультете. Тема дипломной работы, которой руководил Александр Алексеевич Уколов, формулировалась так: «Коллекция иностранных и местных сортов картофеля». Пока картошка далеко не самая частая гостья на нашем обеденном столе, однако ведь и зерно

МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИСТСКИЙ КОМПЛЕКС.

мы начали осваивать, в сущности, недавно.

Но я убежден, что совсем скоро стол в каждой монгольской семье станет настоящему разнообразным, богатым не только мясом, но и овощами, фруктами...

...ТО ЛИ ФОНТАН СЛЕЗ, у которого ищет и не находит утешения измученная, исстрадавшаяся душа хана Гирея.

...Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда...

Музыка Асафьева звучит печально и успокаивающе, тревожно и горестно, летит из конца в конец сцены балерины, и замирают зрители, внимавшие танцу,

недавнего времени считалась терра инкогнито не только потому, что мало знали о подземных ее сокровищах: помнил я о гутулах с загнутыми кверху носками, встречающихся и сейчас.

В Институте географии и мерзлотоведения Жамц Гарьдуу, кандидат географических наук, рассказал мне, что он и его коллеги составляют почвенную и биохимическую карту Монголии, что учился он в Москве, что круг его научных интересов — биогеохимия почвы, что эта отрасль знаний появилась в стране недавно — пока это начало всех начал, однако работают уже в институте и научные сотрудники, которые окончили биологический факультет Монгольского университета.

А завершили мы «день науки» в об-

серватории, где познакомились с двадцатичетырехлетним Ганбатором, младшим научным сотрудником, окончившим астрономическое отделение Харьковского университета. Тема исследования нашего собеседника — «Зависимость радиосветимости квазеров от красного смещения».

Всадникам, скачущим навстречу солнцу, тесно уже на бескрайних просторах их степей...

...ТО ЛИ... Нет, наивны попытки определить, что же самое запоминающееся в многозначном, счастливом калейдоскопе жизни братской страны. Древней, верной традициям. И рвущей с традициями. Страны, прыгнувшей через века.

ВОРОТА СТРОИЛИСЬ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ.

СТОЛИЦА МОНГОЛИИ ПОДНИМАЕТ ЭТАЖИ.

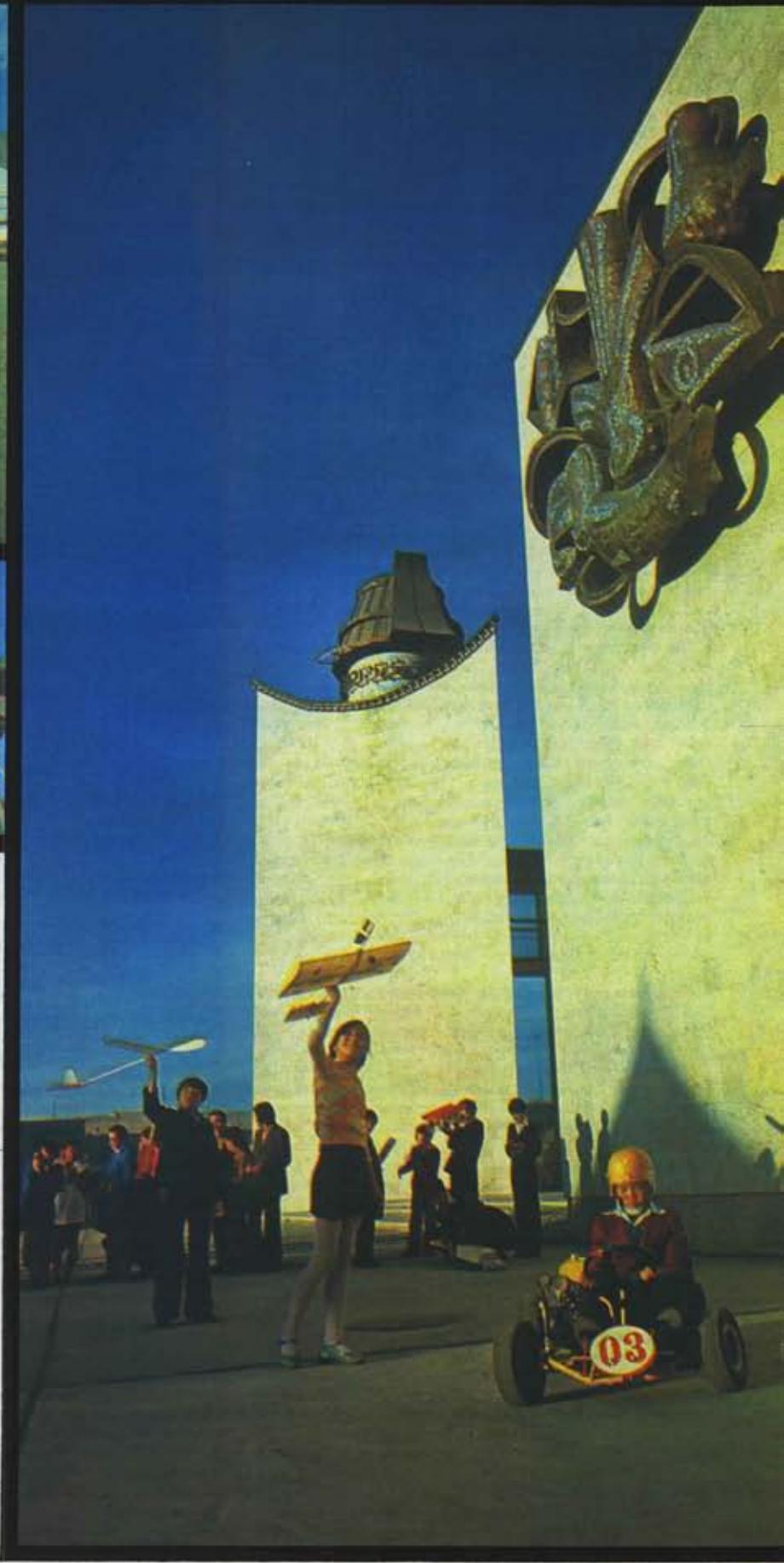
сопреживающие бесконечной любви Марии к юному Вацлаву, увлеченные страстью, бушующими в ханском дворце, где, не зная покоя, томится Зарема.

Театр полон, ложи блещут. «Бахчисарайский фонтан» идет на сцене театра оперы и балета многие годы.

Первый театр в Монголии был создан лишь в 1931 году, сегодня же спектакли идут в опере, и в государственном драматическом театре, и в детском, и в кукольном. Театры есть и в других городах — в Чойбалсане, и в Баян-Улзгэе, и в Кобдо, и в Дархане...

...ТО ЛИ «ДЕНЬ НАУКИ». Тот день, когда побывали мы в научно-исследовательских институтах столицы.

Когда узнал, что начнем поездку с посещения Института географии и мерзлотоведения, подумал, что это символично. Конечно, к физикам поехать было бы интересно, как-никак физики в моде, занятие это повсюду престижно, и Монголия не исключение, однако помнил я о том, что монгольская земля до

Шум, стоявший в зале в течение всей схватки, смолк неожиданно, и сразу же наступила страшная, давящая тишина: его друзья и болельщики поняли, что он проиграл. Поняли, наверное, на мгновение раньше, чем он сам осознал это. Пунцаг лежал лицом вниз, не чувствуя ничего, кроме этой тишины, придавившей его к ковру, и какой-то ватной пустоты, заполнявшей его еще горячее тело. Ему так не хотелось вставать, чтобы не видеть расстроенных лиц друзей, болельщиков, тренеров. Он проиграл схватку, к которой готовился не один год, проиграл ее дома. На глазах своих земляков проиграл борцу, которого видел впервые и, наверное, недооценил.

В финале чемпионата мира по самбо, проходившего в 1974 году в Улан-Баторе, легковес Мунхийн Пунцаг встретился с советским борцом Иосифом Магалашвили. Схватка закончилась со счетом 3:3, но в самбо ничья не бывает. И победа была присуждена советскому самбисту, который первым получил выигрышный балл.

Пунцаг с трудом поднялся с ковра, протянул руку победителю, смог даже вымученно улыбнуться ему и поздравить.

— Встретимся в будущем году в Минске, — пообещал Иосиф Магалашвили. Ему только что вручили золотую медаль чемпиона мира, и он был счастлив и щедр. — У тебя еще есть надежды на реванш.

— Конечно, — легко согласился Пунцаг. В душе он хранил не надежду на будущий реванш, а уверенность в нем.

И когда, пытаясь скрыть свою радость и хотя бы так выразить свое сочувствие, к нему подошел Гандолгор Батсух, только что завоевавший звание чемпиона мира в весе 74 килограмма, Пунцаг поздравил своего первого ученика с победой и пошутил:

— Теперь мне придется догонять тебя, а то еще ты, чего доброго, откажешься заниматься у проигравшего тренера.

Родился Пунцаг в семье скотовода в Южно-Гобийском аймаке. Их юрта стояла на берегу маленькой речушки Хонгорин-Гол, смело пробивающейся сквозь пески пустыни. На берегу этой реки Пунцаг и его ровесники проводили целые дни. Здесь он впервые увидел, как в дни национального монгольского праздника — танцующим шагом выходят на ристалище борцы. Они одеты в традиционные костюмы: расшифты плавки-шудаг и короткие накидки с длинными рукавами-дзадог, на ногах салоги с загнутыми носками — гутулы. Борцы сходятя, танцуют, изображая плавными движениями рук полет мифической птицы из народных сказаний «Хан Гаруди». Движения борцов красивы и пластичны, а мускулы напряжены — они выбирают удобный момент для броска. Победитель получает горсть сладостей и угождает ими окружающих. Как хотелось Пунцагу хоть однажды угостить своих друзей конфетами и печеньем из призовой горсти! И на песчаном берегу Хонгорин-Гола он, подражая известным Соколам, Слонам, Львам и Исполинам (такие звания получают борцы — победители всенародного надома), отрабатывал приемы национальной борьбы. У всех своих сверстников он выигрывал легко, но понимал, что особых перспектив у него нет. Был он маленький, худенький, а в национальной борьбе весовых категорий не существует.

Старшая сестра Пунцага закончила университет и стала преподавать физику в средней школе Сухэ-Батора. С собой она взяла и младшего брата. Муж сестры Ичинхорло работал теплотехником на электростанции, и Пунцагу нравилось сидеть за пультом управления станции, смотреть, как перемигиваются разноцветные лампы и невидимая сила тока вливается в гудящие провода. Он и уроки чаще всего делал не дома, а здесь же, в кабинете дежурного по станции. Учился он легко и хорошо. Сестра относилась к нему строже, чем к другим ученикам, но, как ни старалась, меньше пятерки поставить ему не могла.

Школу Пунцаг закончил с золотой медалью, и ему торжественно вручили направление на учебу в Уральский политехнический институт — его мечта стать энергетиком осуществилась.

В институте для иностранных студентов организовали спецкурс по русскому языку. Занятия проходили в аудитории, расположенной рядом со спортивным залом. Однажды Пунцаг остановился у распахнутых настежь дверей спортзала — здесь тренировались спортсмены, одетые в куртки, отдаленно напоминавшие родные дзадоги. И приемы борцы порой проводили знакомые — броски, захваты, подсечки. Он так засмотрелся, что даже о занятиях забыл.

— Нравится самбо? — подошел к нему мастер спорта Михаил Ходиев.

— Так это и есть самбо! — обрадовался Пунцаг. О самбо ему доводилось слышать, хотя в Монголии этот

НЕЧИСТОВЫ

вид спорта тогда еще не культивировался. — Очень похоже на нашу борьбу.

— Не удивительно, самбо и возникло на основе самобытной техники национальных видов борьбы, а она у многих в чем-то похожа. Хочешь попробовать?

Пунцага заставили переодеться здесь же, в зале, взвесили, он оказался легче большинства самбистов, но партнера ему все же подобрали.

— Неудобно мне с ним бороться, — возражал Ходиеву молодой борец, высокий рыжеватый студент. — Парень даже правил не знает, а ты его сразу на ковер.

— Вот ты и покажи ему правила, — засмеялся Михаил.

Борцы встали в стойку, и уже через мгновение Пунцаг протягивал руку помощи поверженному самбисту. Со вторым он боролся дольше, и, хотя тот применил неизвестный прием, новичок и здесь вышел победителем.

— Хватка у тебя добрая, — похвалил Ходиев. — С завтрашнего дня начнем тренироваться регулярно. Смотришь, из тебя чемпион института выйдет. Только старайся, в самбо почти пять тысяч приемов, пока изучишь...

Уже через месяц Пунцаг на первенстве Свердловска занял третье место и стал второразрядником, а через полгода он выиграл у двух кандидатов в мастера, в финале чисто переиграл мастера спорта и стал чемпионом института.

Тренер первой сборной института по самбо Геннадий Самсонов с удивлением говорил Ходиеву: «Если и дальше твой парень будет такими темпами продвигаться, мы и мировое первенство вскоре выиграем».

Но двигаться к спортивным вершинам теми же темпами Пунцаг не мог. Все чаще и чаще он пропускал тренировки и все дольше задерживался на кафедре, в лабораториях института, засиживаясь в библиотеке: его всерьез захватила наука, любимая теплотехника. Дмитрий Джавахов, научный руководитель монгольского студента и его постоянный опекун, был доволен: наконец-то воспитанник понял, что его истинное призвание все-таки наука, а не какой-то непонятный и неинтеллигентный вид спорта, с его бросками, захватами, болевыми приемами.

В качестве дипломной работы Пунцаг сделал проект реконструкции Дарханской ТЭЦ. К имевшейся на этой теплоэлектроцентрали мощности в 48 мегаватт он добавил еще два блока по 25 мегаватт. Мощность

станции возросла в два раза, а удачное расположение новых блоков и более рациональная компоновка всего оборудования позволили значительно сэкономить капитальные затраты на реконструкцию.

И научный руководитель и официальные оппоненты признали проект отличным. Молодому инженеру предложили остаться в аспирантуре. Но он рвался к практической работе, рвался домой, где его ждала молодая жена, работавшая связисткой в Сухэ-Баторе. Пунцаг получил направление на Дарханскую ТЭЦ.

— Зря не остался в аспирантуре,—пожалел Джавахов,—у тебя же все данные для научной работы—хвата, знания, сообразительность.

— Мог бы вволю тренироваться, если бы остался в аспирантуре,—говорил на прощание Самсонов.—У тебя все данные стать настоящим борцом—сила, умение, воля.

Дарханская теплозаводоцентраль имени В. И. Ленина дала впервые свет и тепло в 1966 году. На открытии станции присутствовали товарищи Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал. ТЭЦ должна была полностью обеспечить город теплом и электроэнергией. Но вскоре к Дарханской теплозаводоцентрали подключили два быстро развивающихся города—Эрдэнэт и Сухэ-Батор, несколько пригородных поселков и госхозов. Станция работала с полной нагрузкой, в зимнее время блоки не останавливали даже на профилактический ремонт.

— Каждый день я думаю только о том, чтобы своему участку не прибавилось работы,—грустно пошутил директор ТЭЦ Сэрээр Аюурсэд, встретив однажды Пунцага во дворе станции.

Пунцаг возглавил участок ремонта вторичных коммуникаций и тепловой автоматики. Может быть, и не шутил директор,—действительно, чем меньше работы у ремонтников, тем, значит, лучше идут дела на станции. Но Пунцаг никогда не ждал срочной работы, он ее находил. «Наша главная задача,—объяснял он слесарям-ремонтникам,—не ликвидация аварий, а их предупреждение». Профилактика стала повседневным и главным делом участка ремонта. Молодой инженер начинал свою рабочий день, как палатный врач, с обхода. Проверял котлы, мельницы, изучал записи в «бортовых журналах» дежурных и диспетчеров, прислушивался к общему ритму теплозаводоцентрали, стараясь вовремя обнаружить «узкое» место.

Как-то зимней ночью ему позвонил слесарь Т. Цэгмэд. «Встал мельница шестого котла!»—закричал он в трубку. Пунцаг не дослушал, начал торопливо одеваться.

Вращающиеся мельницы дробят уголь и по специальному транспортерам подают его прямо в топки котлов. Остановка мельницы автоматически влечет за собой остановку котлов. Летом из-за такого случая чрезвычайное происшествие не возникло бы, но зимой... Пунцаг хорошо знал, где живут его слесари, и обходил за домом дом, стучал в двери. Уже через пятнадцать минут у застывшей мельницы собрались все ремонтники. Приехал и директор.

— Котел, думаю, тушить не стоит,—сказал ему Пунцаг.—Надо организовать людей, и пусть подбрасывают уголь вручную, пока мы не отремонтируем.

ПУНЦАГ НА ТРЕНИРОВКЕ... И НА РАБОТЕ.

— Но это же как минимум дней десять.

— Сможем быстрее?—повернулся инженер к своим ремонтникам.

Слесари торопливо разобрали инструмент.

Работали они под ледяным ветром, раскручивали прикрепившиеся к рукам болты и гайки, меняли многотонные детали. Отыхали изредка в диспетчерской, здесь же и обедали. Работали, не считая смен; Пунцаг же вообще не ходил домой, пока мельница не заработала снова. Через 64 часа снова закружились тяжелые барабаны, и по транспортерам в топку котла потек измельченный уголь.

Директор хотел отвезти Пунцага домой, но посмотрел с жалостью на его лицо, покрытое угольной пылью, и будить не стал. Почти сутки спал молодой инженер на жестком кожаном диване в диспетчерской.

У входа в главное здание Дарханской ТЭЦ имени В. И. Ленина галерея передовиков производства, лучших энергетиков города. Среди них и портрет инженера М. Пунцага.

— Только отметьте,—попросил меня Аюурсэд,—портрет Пунцага помещен на Доску почета вовсе не потому, что он знаменитый спортсмен. Он у нас лучший рационализатор. Его предложения позволили сэкономить свыше двадцати тысяч тонн топлива, а главное, дают нам возможность работать без аварий. Сейчас обсуждается вопрос о реконструкции нашей ТЭЦ. По всему видать, дипломный проект инженера Пунцага вскоре воплотится в бетон и металл. И орденом «Полярной звезды» наш инженер награжден именно за производственные успехи, а вовсе не за спортивные.

Больше года Пунцаг не тренировался. Работа отнимала почти все свободное время. Да если бы он и сумел выкроить час-другой, тренироваться было не с кем. В Дархане самбо тогда еще никто не занимался. Правда, среди слесарей-ремонтников и других рабочих теплозаводоцентрали было немало любителей национальной борьбы, но тренировались они от случая к случаю. Тренировались, как некогда сам Пунцаг, в стели, на прибрежном песке. О специальных борцовских коврах, о различных приспособлениях, облегчающих тренировки, они и понятия не имели.

— Хотите заняться самбо?—спросил как-то борцов Пунцаг.—Вид спорта интересный и перспективный. Он уже включен в программу всенародной спартакиады, и даже чемпионаты мира вскоре будут разыгрываться.

— А где заниматься?—удивился Батсух, претендовавший на звание Сокола.—Зал нужен, ковры.

— Я из твоего кабинета не уйду, пока не помогу тебе с залом для тренировки,—сказал однажды Пунцаг первому секретарю горкома ревкома Жангибу Лхундэвжамцу. Они заканчивали один и тот же институт, и начинающий тренер вдвойне рассчитывал на поддержку горкома.

— Мой кабинет все равно для тренировки не подойдет—слишком мал,—засмеялся Лхундэвжамц.—Может быть, договоримся со школой, а потом уже свой спортивный зал выстроим.

— Как это выстроим?

— Очень просто. Ты же не откажешься помочь. И я смогу что-нибудь сделать. И другие спортсмены выйдут на субботник. Общими силами и сделаем.

На первую тренировку каждый принес с собой ватное одеяло. Ковер получился разноцветным, но вполне пригодным для борьбы. Пунцаг объяснил

правила самбо, показывал захваты, броски, стойки, болевые приемы.

— Это не по мне,—первым отказался заниматься самбо Батсух.—Что за борьба, если тебе ноги и руки крутят.

— А ты не позволяй, чтоб тебе крутили, старайся провести прием первым.

На следующее занятие из двадцати человек и половины не пришло. Батсух все-таки принес свое красное одеяло.

— Что-то в этом самбо все же есть,—пробормотал он.—Разобраться бы надо.

В 1972 году в Улан-Баторе проходил первый чемпионат Монголии по самбо. Пунцаг выиграл легко—соперников у него, по сути дела, не было. Как чемпион Монголии, он в том же году приехал на открытые первенства СССР и, к удивлению многих специалистов, занял третье место.

— А ты молодец,—похвалил его Самсонов.—Быстро прогрессируешь. У кого тренируешься?

— У своих учеников,—засмеялся Пунцаг.—Я им показываю приемы, а они на мне их проводят. Теперь в секции уже восемьдесят человек. Если каждый по одному приему проведет—нагрузка сверх всякой нормы.

— Не перестарайся.

Он, наверное, все же перестарался. К первому чемпионату мира в Тегеране пришел не в самой лучшей форме и все же благополучно добрался до финала. Так же чисто победил своих предыдущих противников советский самбист Александр Шор.

— Ты сильнее,—убеждал Пунцага во время тайм-аута тренер сборной Монголии Чойсурэн Машбат.—А проиграл эти два золотых очка только потому, что поторопился, раньше времени рванулся с захватом. Попробуй теперь измотать Шора и провести болевой прием.

Вернуть потерянные очки Пунцаг не смог. Ему вручили серебряную медаль.

Второй чемпионат мира по самбо прошел в Улан-Баторе. Команда Монголии готовилась к этому чемпионату как никогда напряженно. По совету Машбата, Пунцаг, выступавший раньше в весе до 58 килограммов,бросил 6 килограммов. В этом весе сильных соперников у него вообще не предвиделось. Но за несколько месяцев до начала чемпионата Пунцага прямо с работы привезли в больницу Аллендицит. После выздоровления и перерыва в тренировках он весил уже свыше шестидесяти килограммов. Нужно было сбрасывать вес. Даже верный Батсух смотрел на него с жалостью, но лидер монгольских самбистов, прозванный Неистовым, на тренировках, как всегда, не давал себе ни в чем поблажки.

Проигрыш в Улан-Баторе он переживал долго. Переживал молча, не жалуясь на невезение, которым тот же Машбат пытался объяснить его серебряные медали мировых чемпионатов.

Он готовился к Минску. Готовился к еще одной встрече с Иосифом Магалашвили. Специально ездил на международные соревнования в Баку, где надеялся встретить Иосифа. Магалашвили не приехал. Пунцаг стал в Баку первым, но особой радости от этой победы не ощущал. Прочитал в «Советском спорте», что Иосиф работает на контрактах, и решил: «Ну что ж, атаковать буду я». В той же статье говорилось, что Магалашвили изменил стойку, некоторые приемы, усовершенствовал захваты, но Пунцаг этим утверждениям не поверил. Стиль борьбы, словно почерк человека, так быстро не меняется.

В Минске жребий свел Пунцага и Магалашвили уже в первом круге. Пунцаг выиграл уже через три минуты. Вообще на мировом чемпионате в Минске он боролся легко и быстро. Самую продолжительную схватку он вел с японцем Ямато, она длилась четыре минуты.

Как и предсказывал Самсонов, Пунцаг завоевал в Минске золотую медаль, а Магалашвили, выиграв все остальные схватки так же чисто и легко, стал вторым призером.

В новеньком спортивном зале, выросшем в центре Дархана, работают десятки спортивных секций. Самая многочисленная—самбо. Занимаются здесь свыше ста студентов, учащихся ПТУ, старшеклассников и молодых рабочих. Тренирует их мастер спорта СССР и заслуженный мастер спорта МНР Мунхийн Пунцаг. Тренирует, как и прежде, на общественных началах. Но условия для тренировок у его нынешних воспитанников совсем другие—неизмеримо более благоприятные.

Пунцаг лежал на ковре и что-то набрасывал в блокноте. Я подумал, что он готовит план будущей тренировки, прикладывает на бумаге рисунок будущей схватки.

— Что вы?!—улыбнулся Пунцаг.—У самбиста каждое движение должно быть неожиданным. И заранее рисунок схватки сделать просто невозможно. А это,—он показал на блокнот,—электросхема котлоблоков. Кое-что, думаю, можно здесь усовершенствовать.

Посреди площади, перед гостиницей, на мощном бетонном пьедестале висит выкрашенный в коричневый цвет верблюд. Изваяние несколько преувеличивает истинные размеры животного, а потому выглядит еще более внушительно. На прокаленном солнцем городском бульварчике, где деревья и кустарники не торопятся тянуться вверх, а стараются прижаться друг к другу и хотя бы так защищаться от безжалостного зноя и сухого ветра пустыни, есть еще несколько цементных животных. Но козы, овцы, олени, горные козлы и архары выглядят поскромнее бетонного верблюда. Предпочтение, отданное двугорбому гиганту пустыни, понятно: в скотоводческом Южно-Гобийском аймаке с его миллионным стадом верблюдов — главное домашнее животное, опора хозяйства. Здесь их больше, чем в любом другом районе Монголии. И когда по осени в центр аймака собираются на свой традиционный слет передовики села, то гвоздем праздника становятся пятнадцатикилометровые скачки на верблюдах, а не на конях, как где-нибудь на севере, в Хангае, например.

В 1931 году в голую степь, где теперь стоит Далан-Дзадгад, пришел караван в 60 верблюдов. Караван привез тридцать юрт, которые стали первыми жилищами нынешнего аймачного центра. А первые автомобили добрались сюда только через двадцать лет. И когда в 1954 году на созданную здесь 16-ю автобазу привезли шестьдесят советских «МАЗов», по случаю такого чрезвычайного события состоялся митинг, на который собралось все население города.

Шестьдесят верблюдов, шестьдесят автомобилей — случайное совпадение чисел, но сколь оно красноречиво! И когда теперь в центре города видишь монумент неприхотливому животному, понимаешь, что это не только от признательности человека своему извечному помощнику, который был рядом от первого колышка. Это еще и точка отсчета, напоминающие: отсюда мы начинали.

...Программа, которую предлагает Гонгор, второй секретарь аймачного комитета ревкома, выглядит очень заманчиво: утром мы отправимся в стойбище к Шараевын Самбу, одному из лучших верблюдоводов объединения «Гэрэлт зам» («Светлый путь»). Это совсем рядом, как говорит Гонгор, с аймачным центром. По дороге мы заглянем в заповедное ущелье Елын-ам (ущелье Бородатого Орлагиянтика), потому что, побывав в Южном Гоби, нельзя обойти стороной ее жемчужину.

Я сразу соглашаюсь: об этом удивительном уголке еще накануне мне рассказывал экскурсовод аймачного краеведческого музея Мангайжав. Он водил меня из зала в зал, от стенда к стенду, подробно знакомя с богатствами своего края. Здесь есть уголь, медь, хром, свинец, железо, вольфрам, кварц и хрусталь, агат и яшма. Найдены битуминозные асфальты, вулканический туф, гипс, асбест, охра. Он показывал окаменевшие стволы деревьев и папоротников, и как-то сразу становилось понятно, почему именно в Гоби находят окаменевшие кости и яйца динозавров, ящеров и других живших здесь миллионы лет назад животных, которые не встречаются в иных местах земного шара. И тусклое вынесенное со школьной скамьи впечатление, что Гоби — это пустыня.

Под конец осмотра Мангайжав показал картину: в узком ущелье мчался горный поток.

— Это Елын-ам. Даже в самое жаркое лето там не успевает растаять лед.

И сразу забылись барханы, которые струились песком на соседних картинах: если есть такие горные реки и ледники, то не такая уж это пустыня...

...Представьте бесконечную плоскую равнину и над ней бездонное голубое небо. По равнине мчится «уазик». Если смотреть на него со стороны, то увидишь, как юркий автомобильник резво глотает километры, оставляя за собой легкое облачко пыли. Но, сидя внутри машины, како теряешь ощущение скорости. Мчится навстречу плоская в мелком камешке земля, с низкими кустиками полыни, верблюжьей колючкой, собранной в щепоть выгоревшей травой. И нет ни одного привычного ориентира, который помог бы оценить движение: ни дерева, ни телеграфного столба, ни оврага. И горизонт, как бездушно прочерченная линия, замер на месте, не меняя очертаний — прямая линия между небом и землей. И дорога, которой мы мчимся, не дорога, а чуть стертая ранее прокатившимися здесь шинами почва.

— Долго еще ехать? — спрашиваю Гонгора.

— Уже рядом, — отвечает он. Потом,

подумав, добавляет: — В Гоби все рядом. Спросишь, далеко ли стойбище такого-то, обязательно ответят: рядом. А это может быть и пять километров, и десять, а может, и целый день пути...

Слева небо скребет цепь гор. Невозможно определить их истинные размеры, потому что вблизи тоже нет ориентиров. Вершины одеты в сверкающие на солнце шапки. Вечный лед или выпавший за ночь снег — ничего не поймешь.

Мы влетаем в распадок и мчимся по дну пересохшей горной реки. Русло ее нешироко и устлано мелким камнем. Видно, что даже в бурный период ее жизни здесь не особенно-то много воды, а теперь на дне кустится жухлая трава, и шустрые сурчики, то и дело высекающие из-под колес, спешат наготовить ее впрок для долгой зимы.

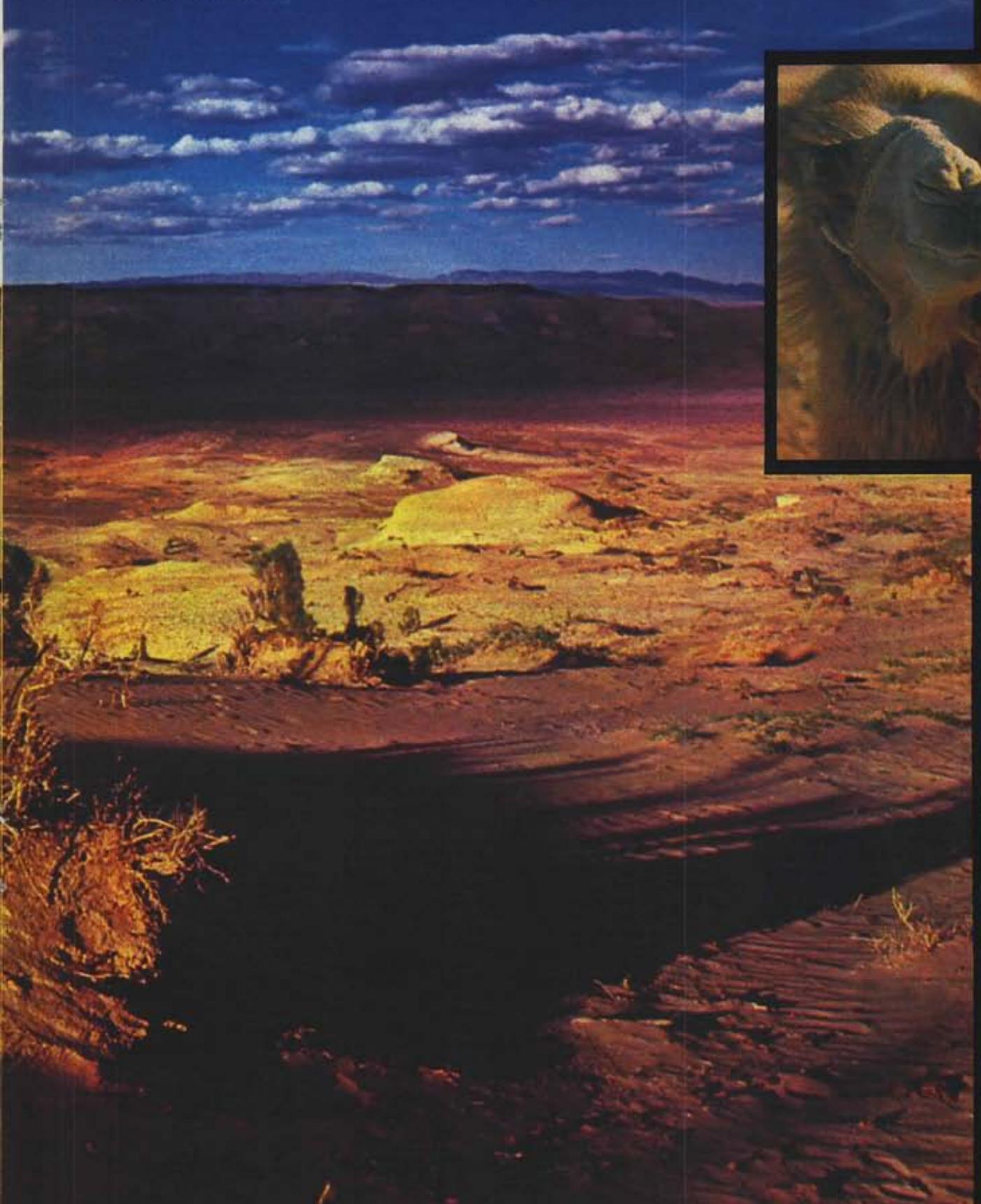
Бате, нашему водителю, надоедает кружение по руслу, и когда оно поворачивает за очередной длинный, отлогий склон холма, он посыпает машину поперек склона, вверх. Сердце падает: еще ни разу не доводилось въезжать на такую крутизну. Откладываясь на спинке сиденья, как космонавт перед стартом, и видишь впереди не землю — небо. Когда, вырвавшись на вершину, мы останавливаемся на мгновение и я вижу впереди уходящий градусов под 45 склон, мне кажется, что Бата оказался в ловушке: съехать отсюда можно только кубарем, через голову. Но машина опустила нос и осторожно покатила вниз. Упираясь ногами в переднюю

стоп

СРОНА И МЭНІ ОБІ

Леонид АНАСТАСЬЕВ

стенку кабины, хватаюсь руками за сиденье и чувствую себя всадником, привставшим на стременах, когда норовистый жеребец попытался вышвырнуть его из седла.

Проделав подобную вольтижировку еще несколько раз, Бата остановил машину на полянке у входа в узкий каньон и приоткрыл дверцу. Мне показалось: сейчас начнется самая опасная часть пути. А он просто сказал:

— Приехали.

Я не поверил. Жемчужина Гоби, на мой взгляд, должна была выглядеть иначе. Грядя гор в этом месте была рассечена узким ущельем, по дну которого струился ручей в два-три метра шириной. Перейти его можно было по торчавшим из воды валунам. Но если бы вдруг пришлось остудиться и с камней скользнуть в воду, она достала бы только до щиколотки, не выше. На вершине одного из утесов распластал могучие крылья хозяин ущелья — орел-ягнятник. Я сразу узнал его, вспомнив рассказанную еще в Москве историю о наших туристах. Заметив орла, они долго крались к нему, прячась за камнями и выступами скал. Они боялись, что птица взле-

тит раньше, чем они сделают удачный кадр. Они в общем-то не зря изодрали колени и локти: орел не взлетел. Он не взлетел бы, даже дерни его за хвост: ягнятник был из бетона.

— Пойдем ниже, к леднику, — предложил Гонгор.

Мы отправились вдоль ручья, и метров через сто, где скалы-берега почти столкнулись лбами, я увидел прижатый к каменной стене, узкий, метров в десять длиною язык слежавшегося снега.

— Ну как? — спросил Гонгор. — Скорее зима, а он все еще не стаял. Так и останется до будущего лета...

Наверное, нужно родиться в Гоби, чтобы так искренне удивляться ручью, что ухитрился не пересохнуть за лето, глыбе льда, не успевшей растаять до осени, горам, едва прикрытым растительностью. Гоби учит радоваться и воссторгаться немногим.

Когда мы снова выехали на равнину, Бата не искал дорогу, а погнал машину прямо по степи, ориентируясь, как я понял, по солнцу. А может, он просто хорошо знал эти места и потому не боялся заблудиться. Примерно через час мы выехали к двум десяткам беленьких юрт, окруживших массивное каменное здание, стилизованное под горную виллу где-нибудь в Альпах. Рядом с юртами на высоком флагштоке болтался полосатый аэродромный конус. От неожиданности все воспринималось как мираж.

— Туристский центр, — объяснил Гонгор. — Самолеты привозят отдыхающих прямо к юртам. Благо взлетную

полосу строить не надо, садись, где хочешь: на десятки километров вокруг естественный аэропорт.

Несколько рабочих разбирали юрты, грузили на грузовик кровати, столы, брезент, ковры.

— Сезон окончился,—продолжал Гонгор.—Теперь до будущего лета юрты увезут в Далан-Дзэдгад.

— Откуда приезжают туристы?—спросил я.

— Из многих стран. Из Европы едут. Даже из Америки. Есть такой маршрут: две недели—у нас, в Гоби, две—в Гонконг. Туристов возят в щель. Потом на верблюдах в барханы. Дают сухой пакет—и на весь день в пески. Там они фотографируют друг друга на верблюдах, рядом с верблюдами, но в основном лежат раздетье на солнце—как это по-русски?—загорают.

Он искренне рассмеялся. Наверное, это занятие приезжих казалось ему по меньшей мере странным...

...Верблюдов мы увидели сразу.

Большое, голов в двести стадо лежало несколькими группами, и от непривычного его вида сначала было трудно понять, что это—каменные глыбы или кучи сена. Когда мы подъехали вплотную, животные встали.

— Жалко, что на вас не дали: к халату пастуха верблюды привыкли, а так принимают за чужого. Наши животные полудикие,—не то сетовал, не то предупреждал Гонгор.

Я не торопясь пошел к ближайшей группе, все время поглядывая в видоискатель фотоаппарата, чтобы не упустить кадр, и вдруг увидел, как навстречу мне двинулся огромный самец. То ли его разбирало любопытство, то ли он готовился к атаке—понять было трудно. А искушать судьбу не хотелось.

— Может быть, позвать пастуха?—предложил я.

— Верблюды пасутся одни. Пастух на стойбище,—ответил Бата.

Низкая пойма была сплошь покрыта кучками, из которых торчали высохшие стрелы высокой травы, похожей на наш камыш. В ее зарослях бродили плюшевые верблюжата.

— А вот и Самбу!—Бата показал на пожилого монгола в темно-лиловом халате и фетровой шляпе, который вел в поводу верблюжонка. Следом из камышей тянулись остальные. Пойдя к нам, старик улыбнулся доброй улыбкой и протянул руку. От улыбки по его прокаленному на солнце лицу побежали мелкие морщины, но в рукояжании чувствовалась сила привыкшего к физическому труду человека.

— Проходите в юрту,—пригласил он.—Я сейчас.

Рядом с жильем в землю были вбиты колы, а между ними натянуты толстые веревки. Старик привязал конец повода, на котором привел верблюжонка, к этой веревке и поставил перед ним бадью с водой. Рядом он привязал следующего, потом еще, еще. Он делал все это не торопясь, но как-то очень споро. Верблюжата жалобно покрикивали и доверчиво тыкались мягкими мордами в руки, плечи, грудь Самбу.

Юрта, в которую нас пригласил хозяин, была, как я понял, спальней и гостиной. Вместо обычной железной печки в центре, в окружении низких табуреток стоял низенький столик, покрытый цветной kleenкой. У стен—два диванчика-лежака, железная кровать с никелированными стойками и тумбочка с зеркалом и транзисторным приемником. Пол покрывал войлок, поверх которого был разостлан ковер. Меня усадили на самое почетное место—лицом к входу.

— В этой юрте мы живем,—сказал Самбу.—Вторую приспособили под кухню. Летом, когда готовишь, в юрте становится очень жарко. Но зимой придется и здесь ставить печь.

Неслышно вошла Долгорын Намхай, поставила перед мужем деревянный жбан с черпачком, искусно вырезанным из рога буйвола. Самбу зачерпнул из жбана кумыс, налил в массивную серебряную пиалу, отороченную полированым капом твердого дерева. Поддерживая левой рукой локоть правой, протянул пиалу мне. Я принял ее, как и положено, двумя руками, стал пить ледяной, отдававший молочной сывороткой и творогом напиток. Было что-то нереальное во всем этом: выжженная степь, горячее солнце и ледяной кумыс.

— Он стоял в земле,—сказал Самбу.

— У нас в Гоби есть места с вечной мерзлотой,— объяснил Гонгор.—Если выкопать колодец, вода будет очень холодная.

Тем временем Долгорын подала на стол борцов, домашние, испеченные в кипящем жиру коржики, белоснежные бруски арула, сушеный простокваша, крепкий солоноватый чай с молоком.

Самбу родился в Южном Гоби, километрах в трехстах к западу от Далан-Дзэдгада. И отец его был скотоводом и дед—все в его роду водили стада по знойной степи Южного Гоби. И сам он вот уже пятьдесят пять лет ходит по этой земле с верблюдами, овцами, козами. Место для стойбища он выбирает в зависимости от корма. Много травы, сена—он остается тут надолго. Стравило стадо пастбище—он разбирает юрты, переходит на новое.

— А где самые любимые выпасы?—спрашивала я.

— Недалеко отсюда, по реке Баянгол, которая впадает в озеро Улан-нур.—Там много хорошей травы и камыша. Он растет во всю ширину реки. Иногда по ее берегам стоят 20–30 юрт.

— В одном месте?—спрашивала я.

— Нет, конечно. Это по всей реке. Обычно пастухи ставят рядом по две юрты. От стойбища до стойбища километра два-три. Но бывает и десять—двадцать. На Баян-голе очень хорошая трава,—заканчивает Самбу.

— Почему же вы ушли оттуда?

— Здесь трава еще лучше.

Все-таки человеку, привыкшему к природе средней полосы России, этого невозможно понять. Плоская, в редких клонах жухлой травы равнина, на его взгляд, давно перешла черту, за которой—засуха, голод, падеж скота. И если Самбу хвалит эти пастбища, значит, он видел места, где не было даже такого корма. Конечно, биологическая активность—великая сила, но не в ней одной дело. Не избалованный щедротами природы, житель Южного Гоби умеет ценить то немногое, чем наделен его родной край. То, что в иных местах достается человеку без усилий, здесь можно взять только неимоверным трудом, долготерпением, выработанной веками и переданной из поколения в поколение несуетливой стойкостью. Цивилизация и технический прогресс пришли, разумеется, и сюда. Они облегчили труд человека. Но лишь в известных пределах. Автомобиль и самолет смогли сократить здешние расстояния, заменили верблюда как основное транспортное средство. Но наполнить эту землю водой досыта, сделать ее тунной и плодородной человек пока еще не в силах. Собрать же и использовать то немногое, что способна породить эта почва, можно только древнейшим способом—пастбищным скотоводством, которое и ныне требует от человека качества, которыми он обладал и сто и тысячу лет назад. Но так уж устроен человек, что не хочет мириться с раз и навсегда отведенной ему ролью, он любит искать, идти вперед. На этом его качестве и держится весь прогресс. Не остановился человек и перед су-

ровыми условиями Гоби. Сейчас в аймаке сооружен ряд ирригационных систем, которые сделали возможным выращивание хлеба, овощей, фруктов. В последние годы пробурены и построены сотни колодцев, которые дают воду пастбищам. И хотя эти достижения уже сейчас приносят очевидные успехи, совершенно понятно, что это только начало планомерного наступления на Гоби. В том много-трудном деле, которое человеку тут предстоит свершить, опыт прежних поколений, в частности в верблюдоводстве, может сослужить большую службу. Ученые установлено, что более чем за тысячу лет до нашей эры народности, населяющие нынешнюю Монголию, начали приручать и одомашнивать двугорбых верблюдов. Более тридцати веков служат верблюду человеку! Не отсюда ли удивительное чувство уважения к этому неприхотливому животному.

Я задал Самбу простой, казалось бы, вопрос: почему он любит верблюдов больше, чем других животных? Он смущенно засмеялся, но не потому, что мой вопрос показался странным, просто ему было неловко обделять своей любовью других животных. Он ушел от прямого ответа, а когда я все-таки повторил вопрос, стал перечислять достоинства верблюда, но так, чтобы это не было «обидным» другим животным. Между прочим, еще накануне в музее я обратил внимание, что пять видов растущих в Гоби пойны называны: овечья, верблюжья, козья, коровья, конская.

— Это потому, что каждый вид пойны подается только этим видом животного?—спросил я экскурсовода.

— Нет. Нужно было дать имя растению, чтобы не забыть каждое животное.

Вот и Самбу хотел уравнять всех. Хотя, разумеется, уравнять было трудно. Верблюдоводству он отдал всю жизнь. И хотя в его стаде всегда были и лошади, и овцы, и козы, верблюд оставался основой.

Что же дает этот гигант человеку?

Мясо, шерсть, кожу, молоко, молочные изделия, такие, как арут и кумыс, даже молочную водку—архушку. И по-прежнему он выносливый транспорт.

— Верблюд—очень доброе и умное животное,—говорит Самбу.—Бывают случаи, что кто-то украдет из стада верблюжонка или он сам случайно потеряется, приблудится к чужому двору. Так мать-верблюдица по голосу может узнать его и через три года. Кстати, таким способом хозяин и находит свою пропажу. Он приходит с верблюдицей к человеку, у которого как будто бы находится верблюжонок. Мать подает свой голос, и если ее ребенок тут, он сразу отзывается и бежит к ней, а она его ласкает. И новый хозяин обязан вернуть верблюжонка—таков обычай, ибо верблюдица никогда не ошибается.

Мы еще долго слушали рассказы Самбу. И когда через тоно, деревянный круг в крыше юрты, увидели, как потемнело небо и появились первые звезды, мы зажгли свечу. Вошла Долгорын, что-то тихо сказала мужу.

— С пастбища вернулись взрослые верблюды,—перевел Батбаяр.—Она сейчас будет доить верблюдиц. Спрашивает, хотите ли вы попробовать их молока.

Через полчаса она вернулась с пойдником, и Самбу налил в пиалы густое, как сливки, сладковатое молоко.

Я вспомнил, что завтра затемно им нужно вставать, чтобы до восхода солнца выдоить всех верблюдиц, кобыл, коз. Потом стадо уйдет на пастбище. А Самбу и Долгорын займутся домашними делами. Два пожилых человека перед серьезным лицом Гоби.

Д. ЦЭМБЭЛ

Свет Ильича

Дует ветер с Финского залива...

Расскажи, залив, как это было!

— Из-за стога, как из-за тумана,

Вышел на покос крестьянин старый

И промолвил: «Есть у нас оружье.

Три ружья, винтовки три тяжелых».

«Маловато,—улыбнулся Ленин,—

Три бойца победы не добудут,

Созовем на бой три миллиона,

Всю страну подъем на врага!»

И тогда крестьянин снова косу

Взял в свои натруженные руки.

И тогда Ильич вооружился—

Взял свое разящее перо.

Меж рядами склоненного луга

Расстояние—словно между строк,

Между строк расстояние—словно

Меж рядами склоненного луга.

За большое будущее мира

Он сослал себя сюда, как в ссылку,

Ни на миг не забывая сердцем

О своем страдающем народе.

Хоть его шалаш был еле виден,

Помещался в нем весь мир огромный,

Всю Россию, всю планету нашу,

Все народы разместились здесь.

...Он любил у озера подолгу

Посидеть, подумать, помечтать.

Чаша серебряного язя,

Лойманного в сумерках, сияла,

Что корона русского царя.

Дует ветер с Финского залива...

Расскажи, залив, как это было!

— Хоть его шалаш был еле виден,

Помещался в нем весь мир огромный:

С фабриками дымными Парижа,

С тоющим полем русского крестьянства.

Ленин дал рабочему свой разум,

Научил «Аврору» разговору.

Этим языком заговорили

Позже пушки с вражескими полками.

Справедлив закон войны сибирской—

Враг услышал смертный приговор.

И в степях Монголии широкой

Толос Октября был слышен тоже:

В пульях, что свистели на просторе,

В каждом шаге, трудном и суровом,

Что зовется истинной борьбой

За права и счастье человека.

...Так рождались дети Ильича!

Перевела с монгольского
Надежда КОНДАКОВА.

Ж. ОЮУНЦЭЦЭГ

Караванщик

Мне с детства помнится рассказ
О том, как из далеких стран
Водил отец мой, и не раз,
С богатым грузом караван.

Домой он вез табак и шелк,
А жир и шерсть—в другой конец.
Не уставая, шел и шел...
Я караванщик! Как отец.

Глаза не ест мне пыль дорог.
Слова—мой груз, налегок он.
Но ждет меня любой порог,
И люди ждут. Я почтальон!

Отец ходил в мороз и зной,
Не изменяя свой маршрут.
Мой караван совсем иной,
Мой, он из дней, часов, минут.

Мой караван не на виду,
Но день за днем он вдаль идет.
Его я разумом веду,
И неизменен путь—вперед!

Перевод с монгольского
Петр ГРАДОВ.

неустранимый Сухэ-Батор

Начало на 6-й стр.

юту отца — бедняка арата и отправился на заработки: батрачил у богатеев, пас скот, служил ямщиком на почтовом тракте Урга (ныне Улан-Батор) — Кяхта. В 1911 году Монголия, сбросив многовековое маньчжурско-китайское иго, на короткое время, до вторжения китайских интервентов в 1919 году, обрела автономию. Сухэ-Батор, не раздумывая, сразу же ушел в армию, чтобы защищать независимость родины. В Худжирбулаке, где он проходил службу, солдаты-цириков обучали русские инструкторы. Начав цириком, Сухэ-Батор вскоре стал пулеметчиком, получил унтер-офицерское звание; его сделали командиром взвода, затем — командиром эскадрона. За проявленные геройство и храбрость в Тамлаг-Булакских боях против китайских захватчиков ему присвоили почетное звание Батора, то есть Богатыря. Здесь же, в Худжирбулаке, он возглавил смелое выступление солдат против произвола князьков-офицеров и продажного правительства бодогагэнза.

Революционное мировоззрение Сухэ-Батора формировалось под влиянием работавших в Урге участников первой русской революции, героев баррикадных боев на Пресне.

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России прозвучала на него огромное впечатление. Может быть, еще тогда он стал утверждаться в мысли, которая потом выплилась в горячие, убежденные слова, начертанные ныне на постаменте памятника Сухэ-Батору: «Если мы, весь наш народ, объединимся в едином стремлении, в единой воле, то нет ничего в мире, чего бы мы не добились. Не будет ничего, чего бы мы не знали и чего бы мы не умели...»

Активная революционная деятельность Сухэ-Батора началась в 1919 году, когда в пределы Монголии вторглись войска китайского милитариста генерала Сюй Шу-чжена. Китайцы, или, как их тут называли, гаминьи, оккупировали Монголию. Начался кровавый разгул захватчиков, автономия была ликвидирована, Монголию объявили провинцией Китая. Страна покрылась виселицами, оккупанты отбирали у населения скот и угоняли его в Китай. Китайские купцы торопились превратить аратов в долговых рабов. Китайская торговая фирма «Да Шин-ху» в короткий срок угнала из Монголии 600 тысяч овец и 70 тысяч лошадей.

Работая наборщиком в типографии, Сухэ-Батор объединяет вокруг себя первые нелегальные кружки, устанавливает связи с русскими революционерами.

Сухэ-Батор отчетливо сознавал, что при сложившейся обстановке только Советская Россия может оказать помощь истребившемуся монгольскому народу. Он тайно пробирается в Россию, поступает в школу красных командиров в Иркутске, настойчиво обучается военному делу. Вернувшись на родину, начинает создавать партизанские отряды из аратов. Его окружают преданные делу революции люди — Хасбатор, Бумажецд, Пунцаг, Чойбалсан и другие. Из революционных кружков в марте 1921 года была создана Монгольская народно-революционная партия. Первый съезд партии принял решение о национальном и социальном освобождении Монголии.

Долину рек Орхона и Селенги называ-

ют колыбелью Народной революции. Здесь ранней весной 1921 года Сухэ-Батор сосредоточил свои войска, готовясь к первому решительному бою с китайскими милитаристами, — освобождению Кяхтинского Маймачена. Сюда через Наушки доставлялось из Советской России оружие для молодой Монгольской народной армии.

Поднявшись на своем скакуне на легендарный холм Тэмэн чулун (что значит «Верблюжий камень»), Сухэ-Батор вел трубить в раковину, что было признаком наступления. И десятиячина армия китайских милитаристов была разбита. 18 марта Народная армия вошла в Кяхтинский Маймачен, который с того дня стал называться Алтан-булак — Золотой ключ, источник. Это было началом народной революции в Монголии. Холм «Верблюжий камень» араты переименовали в «Прекрасный камень». Теперь на холме установлен памятник — воин Народной армии, трубящий в раковину-дун. Звук у раковины дун низкий, протяжный и призывающий, он слышен за десятки километров.

Временное народное правительство, в котором Сухэ-Батор занял посты военного министра и главнокомандующего, провозгласило, что в стране отныне нет и не может быть другой власти, кроме власти народной. Когда вооруженные до зубов банды белогвардейца Унгерна, стремившиеся использовать Монголию как плацдарм для нападения империалистов на Советскую Республику, двинулись на Алтан-булак, Сухэ-Батор сразу же обратился за помощью к Советскому правительству. Такая помощь была оказана.

Только что родившаяся в боях Народная армия Монголии вместе с частями Красной Армии, успешно разгромив врача, 6 июля 1921 года вступила в Ургу. 11 июля Сухэ-Батор на площади, которая теперь носит его имя, провозгласил победу революции.

Народная революция явилась великим событием в истории монгольского народа: она привела к завоеванию национальной независимости и падению господства колониализма и феодализма.

Но хозяйство страны было истощено трехлетней интервенцией китайских оккупантов. Казна пустовала, торговля замерла, в отсталой стране, при господстве докапиталистических отношений, еще сильно было влияние на народ духовенства, внутренняя контрреволюция устраивала один заговор за другим, стремясь расчленить Монголию на отдельные ханства.

В этой сложной обстановке особенно большое значение имела для монгольских революционеров встреча с вождем мирового пролетариата В. И. Лениным в ноябре 1921 года.

Товарищ Мягмар, один из боевых товарищей Сухэ-Батора, который тогда сопровождал делегацию монгольского народного правительства, рассказал нам об этой встрече.

— Прошли несколько коридоров, двери и попали в большой кабинет. Нам навстречу шел невысокий, коренастый человек в простом черном костюме — это был Ленин. Сухэ-Батор по-военному отдал ему честь и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Ленин, мудрый вождь революции!

По стариинному монгольскому обычью Сухэ-Батор преподнес Ленину большой голубой хадак — платок счастья. Ленин

взял хадак обеими руками и, ласково улыбаясь, поздоровался с нами за руку, затем пригласил всех сесть. Товарищ Сухэ-Батор рассказал Ленину о том, что народ Монголии выгнал иноземных интервентов и создал новое аратское правительство. Это правительство послало делегатов в Советскую Россию, чтобы заключить договор великой дружбы с соседом...

Владимир Ильич высоко оценил тот факт, что монгольские араты-скотоводы создали свою революционную партию и совершили народную революцию. Он указал на необходимость беспощадной борьбы против внешних и внутренних врагов, защиты революционных завоеваний, а также создания кооперации, ликвидации экономической и культурной отсталости страны. Глубоко в сердце Сухэ-Батора запали слова Ленина о том, что единственно правильным путем для всякого трудящегося Монголии является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами РСФСР.

5 ноября 1921 года в Москве было подписано Соглашение, в соответствии с которым Монголия и РСФСР официально признавали друг друга и договаривались об обмене дипломатическими и консульскими представителями. На основе этого соглашения были аннулированы все прежние соглашения и договоры, навязанные Монголии царским правительством с целью ее закабаления. Так официально была оформлена дружба между Монгольским народным государством и Советской Россией, построенная на принципах пролетарского интернационализма.

Монгольские делегаты приняли участие в праздновании 4-й годовщины Октябрьской революции, а потом Сухэ-Батор увидел Петроград, город революции, возвестивший о наступлении новой эры в истории человечества, встречался с петроградскими рабочими.

За время пребывания в Советской России Сухэ-Батор прошел хорошую политическую школу и, вернувшись в родную Монголию, поклялся довести дело народной революции до конца.

Сухэ-Батор обладал хорошо развитой политической интуицией, прозорливостью и большим тактом в решении государственных вопросов. В борьбе против иностранных порабощителей он сумел сплотить в единое целое все слои народа, вплоть до высших феодалов. Примечательна в этом отношении история виднейшего соратника Сухэ-Батора князя Хатан-Батора Магсаржава. Когда Сухэ-Батор был простым солдатом в Худжирбулаке, Магсаржав занимал пост министра в правительстве Автономии. Борец за национальную независимость Монголии, прославленный герой Магсаржав наголову разбил китайские отряды на восточной границе. В этих боях участвовал и молодой Сухэ-Батор. Именно Магсаржав отличил его от многих и присвоил ему звание Батора. С тех пор началась их дружба. Рассказывают, что барон Унгерн, оккупировавший Ургу, пригласил к себе Магсаржава, на сотрудничество с которым он рассчитывал, и спросил, знаком ли прославленный Хатан-Батор с неким Сухэ-Батором, который хочет отнять власть у богатых и передать ее бедным. «Да, я хорошо с ним знаком», — ответил Магсаржав, — Сухэ-Батор — мой друг!» Унгерн вскочил, резким движением выхватил из кармана пистолет, но Магсаржав не дрогнул, а спокойно продолжал: «Для меня друг тот, кто выступает за монгольскую государственность, за интересы народа. А тех, кто идет против интересов народа. Сухэ-Батор борется за дело монгольского народа, и потому он мой друг».

В критические для революции дни Магсаржав поднял восстание монгольских войск против белогвардейцев и присоединился к Сухэ-Батору. Советское правительство, оценив боевые заслуги Магсаржава, наградило его орденом Красного Знамени. Он остался верным революции до последнего дыхания, стал членом ЦК Монгольской народно-революционной партии, занимал высокие посты в Народном правительстве.

Сухэ-Батор был горячим поборником дружбы народов и последовательным интернационалистом. Он любил повторять, что «опорными силами самостоятельного развития Монголии являются трудовой народ внутри страны и Советская Россия за пределами страны».

Эти слова стали путеводной звездой для всех, кто стремился сделать Монголию сильной, свободной и независимой.

Сухэ-Батор со свойственной ему кипучей энергией взялся за строительство новой Монголии. Он создает первые учреждения народного просвещения, научные организации, кооперацию. Его письма и речи, прокламации, воззвания и приказы поражают глубиной анализа обстановки. Он всегда в движении, он торопится воплотить в жизнь все советы Ленина.

22 сентября 1922 года решением Монгольского народного правительства главнокомандующему Народной армии Дамдины Сухэ-Батору за организацию и руководство революционной борьбой монгольского народа, за установление связей между трудящимися Монголии и победившим рабочим классом России, за укрепление монголо-советской дружбы, за боевые заслуги перед родиной было присвоено звание Неустранимого героя. Неустранимый... Таким он вошел в историю революционной борьбы.

Он умер 20 февраля 1923 года, умер очень молодым, в возрасте тридцати лет. Умер на боевом посту: во время ночного патрулирования простудился и занемог.

После смерти Сухэ-Батора, в августе 1924 года, состоялся третий съезд Монгольской народно-революционной партии. Следуя советам В. И. Ленина, съезд утвердил курс партии на развитие страны по некапиталистическому пути в качестве генеральной линии МНРП.

Многое было в истории МНР после смерти Неустранимого: и заговоры против народной власти и провокации на границах. Но в трудную годину рядом с монгольским аратом всегда оказывался советский человек. В боях на реке Халхин-Гол в 1939 году дружба монгольского и советского народов была скреплена кровью. С первого дня войны Советского Союза против гитлеровской Германии вся экономика МНР была перестроена на военный лад и подчинялась задачам оказания помощи Советскому Союзу. Потом, в августе 1945 года, был героический поход советско-монгольских войск через пустыню Гоби и хребет Большой Хинган. В боях по разгрому японской Квантунской армии участвовали механизированные и кавалерийские части монгольских войск, которые совершили рейд на глубину 950 километров и вышли к Порт-Артуру и Дальнему.

На горе Зайсан установлена гигантская каменная фигура советского воина с автоматом, охраняющего монгольский очаг — железнобетонное кольцо на трех опорах. В центре очага пылает вечный огонь. Весь этот скульптурный комплекс — работа молодых скульпторов Ц. Доржсүрэна и П. Зулзагда.

С горы Зайсан открывается широкий вид на долину реки Толы, где на многие километры раскинулся Улан-Батор; отсюда хорошо видна и центральная площадь с памятником Сухэ-Батору. Но нам казалось, будто мы видим всю Монголию с ее новым индустриальным центром Дарханом, Шарынгольским угольным разрезом, с ее главной стройкой пятилетки — горно-обогатительным медно-молибденовым комбинатом в Эрдэнэте, с ее сельскохозяйственными объединениями и линиями высоковольтной передачи. Это новая Монголия, аграрно-индустриальная страна, завершающая строительство социализма.

Стали явью прекрасной заветные думы Сухэ-Батора.

РАСДАЖНЫЙ МИР

Д. ХАТАНБАТОР

Монголию нельзя представить без песни и танца. В протяжной, неповторимой мелодии и затейливых узорах монгольских танцев—душа моего народа. И не удивительно, что и иностранный гость, и скотовод из далекого села, и уланбааторец считают огромной удачей достичь билет на концерт Государственного ансамбля народной песни и танца. Этот коллектив знают и любят не только в Монголии, его искусство восхищает зрителей разных стран Азии, Африки и Европы.

Искусство ансамбля вызывает пристальное внимание не только узкого круга знатоков народной хореографии, но и десятков тысяч простых зрителей. И есть тому свое объяснение:

бывая на концертах молодого ансамбля, испытываешь прекрасное чувство приобщения к неповторимому миру искусства. Помню старинный танец монгольских женщин. В каждом движении рук, каждом шажке был выражен характер монголов, своимравных, красивых, величавых. Сколько изящества, плавности, грации!

Имя моего собеседника знакомо каждому монголу. И дело не в высоком звании заслуженного деятеля искусств МНР. Любят и знают главного балетмейстера Государственного ансамбля народной песни и танца за глубокий талант, за самобытное творчество. Сэвжид—веселый фантазер, смелый экспериментатор, строгий учитель, ищущий художник. И когда вспоминают об успехах хореографической труппы ансамбля, то связывают их с его именем. Сам же Сэвжид-гуай говорит: «Если танец получился удачным, то прежде всего потому, что в него вдохнул жизнь артист, «озвучил» композитор. Нетрудно понять, что сами по себе движения, как бы ни были они интересны и красивы, еще не танец и не искусство».

Сэвжид-гуай сорок с лишним лет жизни посвятил искусству.

— Мы, наше поколение, начинали на пустом месте. Ведь традиционных театров, национальной школы, учебных студий не было. Мало кто знал, что такое хореография, что этому искусству учат и учатся. В 1942 году, когда я уже танцевал в армейском ансамбле песни и танца, мы впервые увидели выступление артистов ансамбля Моисеева. Многому научились мы у советских мастеров.

Первый танец, который я поставил в начале 50-х годов, назывался «Табунщик». Нашел его случайно, на площади Сухэ-Батора. Проходил мимо театра (сейчас в нем размещен кинотеатр «Элдэв-Очир»), вдруг вижу—навстречу мне скакет всадник на белом коне. Для тех времён это была самая обычная картина—наездник в сквере, на площади, на центральной улице. Хозяин и лошадь чувствовали себя в столице ничуть не хуже, чем в степи. Пока я шел, из репродукторов полилась народная песня «Сэр, сэр, салхи» («Вей, вей, ветерок»). Это песня о коне. Ритм, мелодия песни и движения наездника на белом коне сливались воедино. Я тут же пошел к своим в ансамбль. Повстречался танцовщик Наранху. Я остановил его, станцевал

тут же в коридоре нечто, что вертелось в голове. Попросил артиста запомнить танец, движения, общий рисунок. Так родился мой первый танец. Сейчас он в репертуаре нашего ансамбля считается одним из танцев-ветеранов. Его поставили и в Советском Союзе, Венгрии, ГДР.

— Как вы работаете над постановкой танцев? Что главное в танце?

— Пожалуй, начну с последнего вопроса. В танце главное—характер людей той или иной народности. Фольклорное искусство, танцы, исполняемые в народе простыми скотоводами, доярками,—это основа основ. Здесь «золотой клад» фольклора. Я путешественник, побывал почти во всех уголках страны, обездил все аймаки. Только так можно видеть, находить, открывать в уже знакомом что-то новое, тебе неведомое. Обычаи, традиции—это ведь не только прошлое, это и сегодняшняя жизнь. У каждой народности прекрасно сохранились древние обычаи, танцы, костюмы. Я же перевожу этот танец на язык современной народной хореографии, делаю сценическим, в чем-то, может быть, обогащающим, развивающим его.

Вот танец «Прядильщицы». У меня давно была мысль о танце-сказке, где должен был появиться сказочный персонаж—черт, двенадцать или двадцать четыре банди (послушники в монастыре) и столько же девушек-прядильщиц. Однако потом сказку яставить не стал, остался только хороший девушки. Танец я нашел в Хубсугульском аймаке. Поехал в далекий Мусут сомон. Удивительная была осень. Жители сомона готовились к зиме, стояло всеобщее оживление, но без городской нервной суеты. Люди там какие-то необыкновенные. Девушки и женщины пряли, утепляли юрты, шили теплые вещи к зиме. Во всем был какой-то особый дух и ритм. В движениях девушек чудился танец. Плавный, лирический, девичий. По приезде в Улан-Батор пошел к ныне покойному композитору Цэрэндоржу. Он и написал музыку.

— Сэвжид-гуай, вы пятнадцать лет бескомпромиссный балетмейстер Государственного ансамбля народной песни и танца. Как вы думаете, в чем секрет успехов ансамбля?

— Коротко ответить трудно, однако

перед этим несколько профессий, а призвание свое нашел в танце.

Сэвжид-гуай познакомил меня с тремя артистами труппы: Жадамба-гийн Лхагвасурэн, Галбадрахийн Байгальмой, Гунгагийн Зоригом. У них много общего: всем им двадцать один год, третий сезон работают в ансамбле, все выпускники Улан-Баторского музыкально-хореографического училища. На мой вопрос, нравится ли им работать в труппе прославленного ансамбля, все трое счастливо улыбнулись. Значит, очень нравится. В разговоре выяснилось, что «потомственных артистов» среди них нет: дедушки и бабушки—скотоводы, родители—рабочие. В училище шли с огромным желанием. Правда, для Лхагвасурэн поступление в училище было проблемой. Родители хотели, чтобы дочка стала врачом: экзамены в училище сдавала тайком от родителей.

— Мне было трудно, но когда поступила в училище, родители поняли, что это для меня посеребренное девичьих капризов.

— За что же ты любишь свою профессию?

— Во-первых, я считаю хореографию самым красивым видом искусства. Во-вторых, каждый выражает себя по-своему, я это могу сделать в танце. Без наших ребят, без зала, без репетиций я не представляю себя. Иногда меня спрашивают, не скучно ли танцевать одно и то же. Конечно, нет. Танец тот же, но я исполняю его каждый раз по-новому. Один и тот же танец может быть прекрасным. Просто хорошим. И «ничего». Когда видишь радостные лица, огромный интерес к тому, что делается на сцене, понимаешь, что в этом есть и твоя заслуга.

Лхагвасурэн широко улыбается. Такая же улыбка сияет и на лице Зорига. Зоригу, как он считает, всегда везло. Удача неизменно сопутствовала ему. Так было и тогда, когда он кончал десятый класс. Разве мог он представить, что танец, поставленный в их аймаке балетмейстером Сэвжидом, приведет его на Всемирный фестиваль молодежи! После армии Зориг сразу пошел к главному балетмейстеру Государственного ансамбля народной песни и танца. Этот веселый парень—один из самых талантливых ар-

НА РЕПЕТИЦИИ НОВОЙ ПРОГРАММЫ

МГНОВЕНИЯ

суть ответа в том, что за пятнадцать лет коллектив вырос, стал настоящей профессиональной труппой со своими традициями, почерком, творческим кредо.

— Что вы можете сказать о нынешнем составе артистов вашей труппы?

— Работает у нас талантливая молодежь, почти девяносто процентов ансамбля—выпускники Улан-Баторского музыкально-хореографического училища, другими словами—профессионалы. Вспоминаю, как набирали мы артистов в первые годы, в начале шестидесятых. Ходили по средним школам, разъясняли, кто мы такие, что нам надо, и зазывали желающих к себе. Помещали в газетах объявление о наборе танцовщиков. Устраивали конкурсы-экзамены. Отбирали из сотни девушек и юношей троих-четверых. Кстати, дальнейшая судьба ансамбля показала, что во многом отбор был верным. К примеру, именно после таких экзаменов к нам попал ныне заслуженный артист МНР Д. Ламжав. Сельский парень сменил

тистов труппы. В танце—естественный, веселый, темпераментный.

— Когда работа доставляет тебе радость, просто не задумываешься над тем, сколько осталось до конца репетиции, сколько раз еще будем повторять одно и то же. Это, наверное, и есть счастье...

Слышатся звуки рояля. Звучит уже знакомая мелодия, поступивание каблуков. Доносятся слова Сэвжиды: «Так, ребята, начнем отсюда...» Вновь движение, поворот, прыжок... Рождается танец, в котором выражен характер моего народа. Сдержаный и темпераментный, спокойный и азартный, суровый и нежный. История моей страны, древней и молодой. Душа степных людей, вольных и свободных.

...До спектакля осталось пять часов. Около кассы уже образовалась очередь. Надеются на случай: билеты на концерт Государственного ансамбля народной песни и танца распроданы несколько дней назад.

Идет программа «Братская песнь».

В ОРАНЖЕВОМ ГРОСТ

ЯБЛОКИ

Никто, кроме соседки-старушки, не догадывался, как нелегко им живется. Недавно соседка уехала в гости, и теперь приходилось особенно трудно, поскольку старушка была надежной опорой не только для своих детей и внучат, но и для них.

Правда, понимал это лишь Гунчин, на плечи которого легла вся забота пусты и о крохотной, но все же семье.

Он поднимался с рассветом, готовил завтрак, делал уборку и, уходя на работу, давал наставления маленькому сыну.

Ох, и скучно было малышу целый день одному, без бабушки.

Но по воскресеньям начинался праздник.

Утром, принарядившись, они выходили на улицу, садились в автобус и ехали к тете Оюун, которая жила в многоэтажном доме.

Добрая, ласковая тетя Оюун всегда встречала их у порога и, высоко подняв малыша, целовала в лоб. Она хлопотала вокруг него, забыв про Гунчина: брала на колени и принималась угощать сладостями.

Потом они втроем выходили гулять. Малыш шел посередине, держась за их руки, и посматривал то на отца, то на тетю Оюун, которые всегда говорили про одно и то же.

Отец, перед тем как начать, приглушенно кашлял и негромко смеялся.

— Ну и когда же мы будем, наконец, жить вместе? — спрашивал он. Тетя Оюун в эту минуту болезненно сжимала пальцы малыша.

— Подожди, не могу я бросить мать, пока брат не закончит институт...

Иногда и тетя Оюун навещала их. В такие дни отец долго возился на кухне, готовя вкусный обед. При последней встрече малыш запрятал три больших яблока, решив сохранить их до того дня, когда тетя Оюун переберется к ним насовсем. Но она все же не приезжала.

В этот вечер отец почему-то долго не возвращался. Стемнело. Малыш влез на стул и только включил свет, как вошла тетя Оюун.

— У вас разве есть наш ключ?

— Да, есть.

Она не поцеловала его, не сняла пальто. Села за стол и закрыла лицо руками. После долгого молчания подняла голову, взглянула на него и грустно улыбнулась.

А он стоял и удивленно смотрел на нее. На улице зажглись фонари.

— Твой папа уехал в командировку. Вот я и пришла к тебе, — сказала тетя Оюун.

Они поужинали, а затем долго разговаривали. Малыш показал ей все свои игрушки и, конечно, самую удивительную из них: красивую коробку, что стояла на подоконнике. Отец совсем недавно привнес ее в дом.

— Вы знаете, что это, тетя Оюун?

— Знаю, магнитофон.

— Неправда, там человек.

Тетя Оюун улыбнулась и ласково погладила малыша по голове.

— Нет там никакого человека.

Малыш огорчился, но сдаваться не хотел.

— Есть там дядя. Он такой, как папа, в черном костюме и белой рубашке. И всегда поет, когда нажмешь кнопку.

Он надавил клавишу. Послышалась мелодия, и мужской голос запел:

— Трудно будет маленькой утке,

Когда замерзнет озеро.

Малыш попросил:

— Дядя, а теперь спой: «Подойди ко мне, дружок».

Но старая песня продолжалась. Малыш обиделся.

— Плохой ты, дядя! Даже не знаешь «Подойди ко мне, дружок». Оюун нежно обняла его.

— Хочешь, я стану твоей мамой?

Малыш высвободился из ее рук и спросил:

— А вы будете меня наказывать?

— Нет, я тебя никогда не трону.

Он почему-то разочаровался, отошел от нее и сказал:

— Тогда вы не моя мама. Моя мама меня шлепала, а потом целовала. А вы умеете так целовать, что боль сразу утихала?

Он серьезно и строго посмотрел на нее, ожидая ответа. Оюун сидела не шевелясь — чужая женщина в чужом доме...

В тот давний вечер Гунчин, выкуривая сигарету за сигаретой, попросил:

— Приди к нам. Не получается у меня с шитьем, а на малыше все горит. Оюун вспомнила мальчишку, которого Гунчин иногда приводил с собой на работу.

— Хорошо, — согласилась она.

Старенькая рубашка с оторванными пуговицами пахла ребенком и такой необходимой для нее жизнью. И она полюбила этого маленького человечка. Пусть не она родила его, но отныне они должны жить вместе. Любовь к нему заполонила ее сердце, ни для кого не оставил там места.

Пока Оюун сидела молча, не зная, что ответить, малыш снова разговорился, но все время поглядывал на дверь: а вдруг постучит отец.

— Давай сегодня спать вместе, — сказала тетя Оюун.

Малыш умолк и задумался. Ей стало обидно, что он равнодушен к ее словам.

— Мама всегда обнимала меня, когда мы спали.

Она с горечью подумала, что он уже совсем взрослый, что у него есть прошлая жизнь, в которую она никогда не сможет войти.

— Когда мама уходила, она положила дэли в чемодан и сказала: «Сыночек, меня больше не будет. Я не могу с ним жить».

Она обозвала папу черномазым и поцеловала меня. Когда вы будете уходить, ничего не говорите, ладно. Поцелуйте меня, и все.

— Я не уйду.. Я никогда от вас не уйду.

Малыш пристально смотрел на нее, губы у него шевелились, казалось, он что-то хочет сказать, и вдруг он кинулся к ней и крепко обнял. Оюун закрыла глаза, она задыхалась от радости, горячая дрожь волнами подкатила к сердцу.

— Вы любите яблоки? — спросил он. — У меня есть три яблока. Завтра приедет папа, и мы съедим их, хорошо?

— Хорошо! — прошептала она.

Перевели с монгольского Х. МЭРГЭН и Н. ЭНХБАЯР.

Рисунки Марины ПИНКИСЕВИЧ

Автор публикуемых рассказов С. Пурэ родился в 1941 году. Закончил торговый техникум и педагогический институт в Улан-Баторе. Сейчас он студент Литературного института имени М. Горького в Москве.

С. Пурэ — автор двух книг: сборника повестей «Горное эхо» и романа «Камень великой земли». Его повести и рассказы постоянно публикуются в периодической печати Монголии. Одна из последних повестей С. Пурэ, «Осень в горах», получила премию журнала «Цог» за 1976 год.

ДЭНСМАА

Прошло только два дня, как уехала Дэнсмаа. Все вещи, к которым когда-либо прикасалась она — и котел, и поварешка, и покрытая ржавчиной печь, и даже дымоходная труба, — все напоминало Дамбе о жене. Трудно жить одному мужчине в таком возрасте, трудно без хозяйки: не хватает даже ссоры с ней.

Дамба, накинув на плечи великоватое одеяло, вышел из юрты. Просторная долина блестела, наполненная светом утренней росы. Над вершиной далекой горы повисло маленькое облачко. На берегу реки дремал табун лошадей, оттуда послышалось ржание, и на этот зов из-за бугра выскочил маленький жеребенок.

Дамба почему-то обрадовался и грустно подумал: «Разве так поздно жеребятся? Но все равно, рано или поздно, в холод или тепло, все обязательно приходит к жизни».

В то утро, когда Дамба провожал жену, ему не хотелось смотреть в ее сторону. «Поскорее бы она убралась! Так можно и опоздать в бригаду на праздник урожая», — думал он. А Дэнсмаа не спешила, она сидела молча, глядя на мужа.

— Ты хоть раз ударяй меня! — сказала она тихим, обиженным голосом. Дамба вконец рассердился:

— Затем в суд подашь, да?

— Нет. Легче было бы тебя вспомнить. А ты ведь и не пытался меня понять. Ты, наверное, и забыл, что я женщина...

— Я отыскал тебя среди парней на рубке леса. Если ты и не жила со мной счастливо, ты все-таки не страдала.

— Там я жила, как мужчина, а рядом с тобой почувствовала себя женщиной.

Слезы затуманили глаза Дэнсмаа, она думала о своей горькой, незавидной судьбе; она только сегодня поняла, что уход из дома мужа для нее страшней, чем разрушение гор, обмеление рек.

Вообще-то жизнь семьи была не столь уж и плохой. Случались и счастливые дни. Но самым незабываемым был для нее все-таки тот первый день, когда она по-настоящему узнала Дамбу...

Тогда...

Туман стягивался вверх и превращался в зыбкое марево. Стали видны горы, покрытые тайгой.

Бригада рубила лес. Дамба, решив отдохнуть, снял свою куртку и уселился на покривевший пень. Он окликнул проходившую мимо Дэнсмаа. Уставившись на свою вымазанную в смоле руку, тихим, словно шепот ветерка, голосом сказал:

— Я привык к тебе...

Он видел только ее красивую голень, великоватые рабочие сапоги да маленькие, неспокойные руки, выдававшие ее волнение. Он сидел со вспотевшим, горячим лбом, едва дыша и не смея поднять глаза. Тихо зашуршала трава под ее сапогами, и Дамба остался один.

Вечером они опять разговаривали. С опушек леса тянулся дым костра. Развалившись на земле, мужчины шумно ели из алюминиевых тарелок лашшу.

— Да, эта женщина быстро уживается в нашей бригаде. Но подожди, ты еще и не такое увидишь.

Поглядывавший на дым рыжий парень подхватил писклявым, комаринным голосом:

— Она все хорошеет. Посмотрите на ее лицо. Бригадир наш обычно таких в жены берет, — и тихонько захихикал: «Хи-хи-хи».

Бригадир, который давно уже привык к подобным шуткам, ухмыльнулся. Дамба, внутренне противившийся этому балагурству, думал: «Я уберегу тебя от таких шуток».

После ужина Дамба и Дэнсмаа ушли в крайнюю палатку. При неярком мерцании свечи лицо ее казалось еще милее и таинственней.

— Ты слушаешь меня?

Она кивнула головой, но, когда он сказал: «Я раньше никогда не влюблялся в женщину так сильно. Смешно и радостно», — она посмотрела в его сторону, словно спрашивая: «О чём он говорит?» И опять задумалась, подперев рукой подбородок.

— Ты поверь мне, мы будем жить хорошо.

Она подумала, что такой человек не может быть плохим мужем, и душа ее наполнилась светом и простором, стала похожей на бескрайнюю осеннюю степь.

Дамба придинулся к ней и взял в свои руки ее маленькие ладони.

— Ну что ты молчишь? Скажи хоть слово, — попросил он. — Можно мне любить и верить тебе?

Тихий шепот Дамбы, казалось, доносился издалека, словно это было во сне, и ей стало радостно и страшно.

Прижалась к ее лицу горячей щекой, крепко обнимая ее, Дамба, как сказку, рассказывая ей об их будущей счастливой жизни.

В то злосчастное утро они оба вспоминали эту ночь.

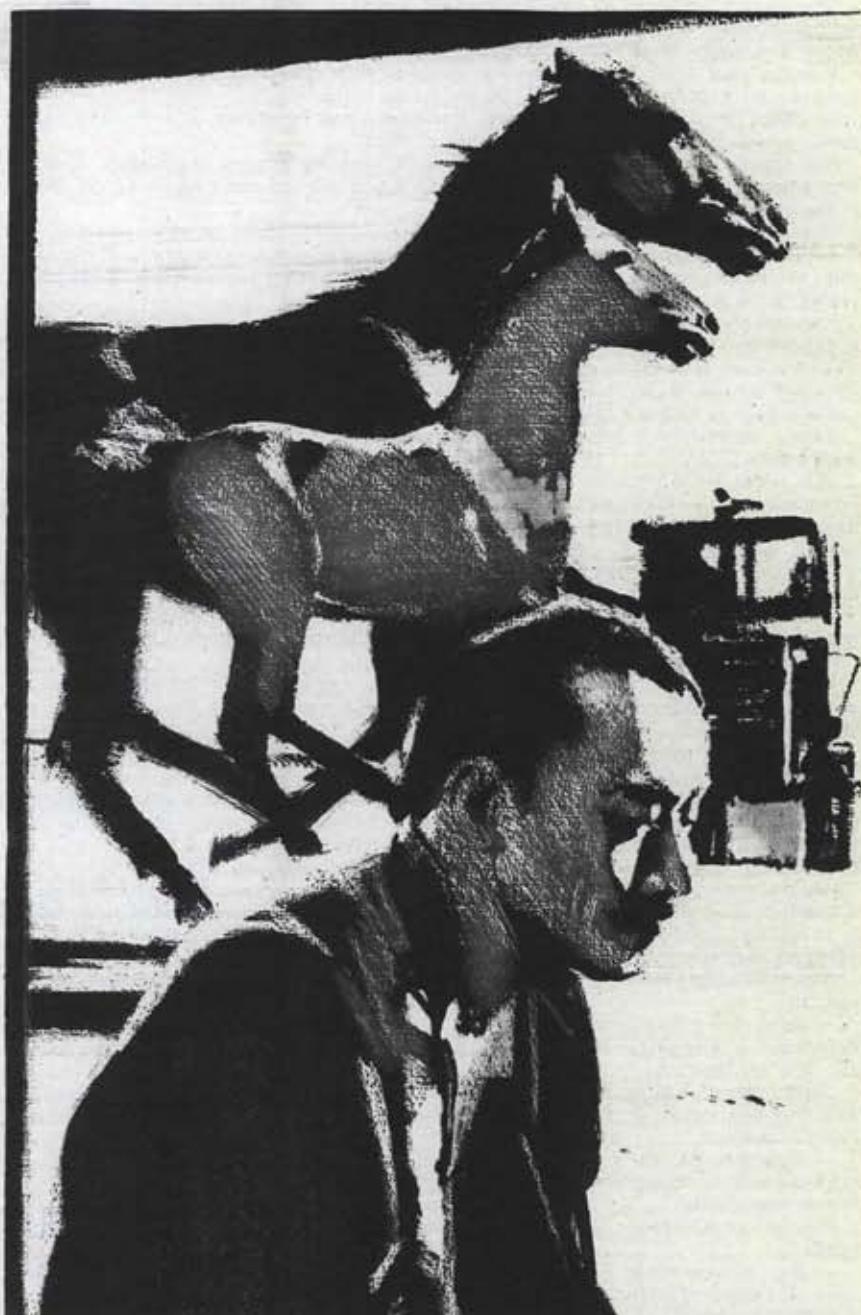
Ждали трактора. Дамба, прислонившись к кровати и глядя на жену скучными глазами, ругал Гонгора, тракториста: «Совсем Гонгор — промасленная трапка. Ну ладно, я тебя как-нибудь проучу». В это время послышался шум мотора, и Дамба вскочил. Он посмотрел на Дэнсмаа, но она сидела не двигаясь, и лицо ее было серым и печальным.

— Гонгор уже приехал, — предупредил Дамба.

— Да, приехал.

— Пора в путь.

Дэнсмаа встала и, неуверенно переставляя ноги, словно новорожденный верблюжонок, подошла к порогу и остановилась, будто чего-то ожидала еще.

Дамба, глядя на нее и потирая губы мозолистыми руками, думал: «Что она хочет взять? Только бы не бинокль». Но Дэнсмаа, словно поняв, что это уже все, чуть съязвила:

— Ну, я поехала...

В юрту вошел тракторист Гонгор, и запахло бензином. Дэнсмаа вышла. Заметив, что Дамба посматривает на часы, Гонгор начал оправдываться:

— Никак не хочет работать машина, наверное, износилась.

— Ладно, отвези жену к ее родителям, пусть они сами с ней разбираются, — сказал Дамба жестким голосом.

Гонгор посмотрел на него удивленно и спросил:

— У кого же из вас характер беспокойней?

— Я же человек, — ответил Дамба глухим голосом.

— Играете вы в жизнь. Беззаботные люди. Вот сейчас отвезу ее, но еще раз бегать между вами не буду. В жену взял, а думать о ней не научился, — добавил он наставительным тоном.

— А ты что, знаешь женскую душу?

Гонгор ответил:

— Бывает, и мы с Халтар ссоримся. Поругаешь жену, а потом возьмешь и приласкаешь ее — хорошо. Если у топора плохо приделана рукоятка, это никуда

не годится. Вышел бы, пожелал ей доброго пути, ты ведь мужчина,— обратился он к Дамбе,— краснеть-то за тебя мне придется. Жди, на обратном пути заеду.

Они вышли из юрты. Дэнсмаа ждала у трактора в красной, как огонь, косынке. Она подошла к Дамбе, не зная, что делать, что сказать.

— Я привязала около юрты нашу жеребую черную кобылицу, посматривай,— только и сказала она и направилась к трактору.

Трактор скоро исчез из виду, и лишь столб пыли долго висел в воздухе. А Дамба ускакала на бригадный праздник.

Дэнсмаа грустно сидела, глядя на вьющуюся меж гор дорогу, и время от времени тяжело вздыхала. Гонгор, у которого мураски по спине бегали от этих вздохов, не находил, что сказать. Он старательно крутил баранку, но от молчания дорога не становилась короче, и он начал:

— Да, невеселый он человек, Дамба.

Она недовольно посмотрела в его сторону, нарисовала на пыльном стекле трактора фигуру ребенка с распахнутыми руками и ответила:

— Нет, он хороший.

Гонгор, вздохнув, подумал: «Странные они люди, женщины. Он ее из дома выгнал, а она его жалеет». Гонгор посмотрел на ребенка и усмехнулся про себя: «Она даже не знает, какими бывают дети».

Дэнсмаа заговорила, глядя на синеющие адали горы:

— Мы могли бы жить хорошо, если бы у нас был ребенок.

Гонгор остановил машину, выбрался из нее и, вытерев стекло, сказал:

— И без детей можно жить счастливо.

Под колеса спешили холмы и холмики, Дэнсмаа со слезами в голосе говорила, что она поедет в Дархан или в Эрдэнэт. Там среди парней и девушек ей легче будет перенести свое горе.

К юрте родителей Дэнсмаа они подъехали уже в сумерках. Отца не было. Мать сновала из стороны в сторону, косилась на тракториста.

— Даже попросив топор, человек потом его сам принесет. А этот взял нашу дочь, а вернуть ее не смог. Разве так можно?

Но вскоре она замолчала, горе дочери мучило старую женщину, и боль отражалась на ее морщинистом, словно каждый год оставил свою борозду, лице, и слезы наполнили глаза.

Провожая Гонгора, Дэнсмаа сказала:

— Ты друг его, посматривай за ним. Он ведь любит иногда выпить. И передай ему, что серебряные пуговицы от его дяди лежат в моей коробочке для иголок и ниток, а то он что угодно может пришить.

Хлопоты с бензином и запчастями отняли у Гонгера много времени, и он возвратился только через два дня. Дамба сгоряла от злости, ожидая друга. Заметив еще далекое облако пыли, он решил вскипятить чай, но когда поднял крышку печки, на него подуло мелкой золой, и он вышел из юрты.

«Так тебе и надо»,— подумал он.

Дамба посмотрела в бинокль и увидел бегущих по степи черную кобылицу и жеребенка.

«Ты очень мало думал о ней, о семье, ты пропадал целыми днями среди гор и лощадей и редко заглядывал в юрту, которая для нее стала похожа на остывшую печь. Не поторопился ли ты, хорошо ли ты сделал, прогнав ее?» — говорил он сам себе.

Подъехал Гонгор, застлав пылью и дымом небо. Он заговорил сразу, без приветствий:

— В какое положение ты меня поставил? Мне едва не брызнули в лицо горячим чаем.— Глаза его блестели так, что Дамба не выдержала:

— Отец бранится?

— Если бы он был дома, то разбил бы мне кнутом голову. Я уцелел только потому, что у женщин душа мягкая. А у тебя уже пауки завелись, хорошо живешь, — сказал Гонгор.

Дамба сидела согнувшись и молчала.

— Неуютно как-то,— наконец проговорил он.

— Говорят, когда хозяин уходит пасти овец, затухает огонь в очаге. Я тебе не раз твердил об этом. И сейчас говорю.— И Гонгор посмотрел на маленькое, с верблюжий вьюк, облако, зацепившееся за вершину далекой горы.

Солнце палило. Над долиной белым туманом поднималась утренняя роса. Звонко заржала черная кобылица. По другому берегу реки шли на водопой кони. Увидев родной табун, черная кобылица, увлекая за собой жеребенка, поскакала к лощадям. Дамба закурил трубку и, вяло пуская дым, подумал с надеждой: «Может, вернется Дэнсмаа?»

Вдруг Гонгор вскочил, как будто сел на горячий пепел, и, отряхивая подол, сказал:

— Дэнсмаа просила передать, что в коробке для ниток и иголок лежат серебряные пуговицы. Попросила тебя пришить их к своему дэли. Поступайся ее хоть на этот раз.

Дамба вдруг вспомнила, что жена его уехала, даже не взяв ту маленькую коробку для ниток. Гонгор осмотрел свой трактор и, пнув стершиеся ручатые скаты, сказал:

— Прощай, теперь я узнал, каков ты. Из-за пустяка прогнать человека... У этой женщины была мечта, вины ее тут нет. Я уверен, ты не найдешь другой такой женщины.

Гонгор сел в кабину. Дамба стоял, молча держась за ручку железной дверцы трактора.

— Да, у человека бывают несбыточные желания. А я этого не понимаю...— Дамба запнулся и, отводя взгляд от Гонгера, тихо проговорил:— Ты поезжай со мной, а?

— Куда? Тебе вон в юрте убрать бы, а не шляться попусту.

— Давай привезем Дэнсмаа. Мне одному, понимаешь, как-то...

— Я сделал все, что от меня требовалось,— отрезал Гонгор. Его трактор затарахтел, поднимая столбы пыли, и вскоре исчез из виду. Это взбесило Дамбу, он плонул в его сторону.

«Погоди, когда ты на обратном пути заедешь ко мне, я уже буду с Дэнсмаа»,— подумал он.

На Хангай пришла осень, но солнце все еще было горячим. Дамба, даже не зайдя в юрту, заложив за пояс подол, зашагал по обочине дороги. В каждую весну, в День скотовода, он с Дэнсмаа, стуча стременами, ехал по этой степи поздравлять родителей. Хотя они много размышляли о прошлом и будущем, у них не было мыслей о счастье, которое может уйти, как сорвавшийся с привязи жеребенок. Они даже не ведали, что бывает так: человек уходит, а его душа, его существо остаются.

Дамбе стало грустно от этих воспоминаний, он корил себя и шел, часто спотыкаясь, пытаясь в высокой траве. Жизнь полна чувства и действия, как эта широкая степь.

Солнце зашло. Степь медленно покрывали сумерки, выступили вперед далекие горы. Но там, за горизонтом, где была Дэнсмаа, небо еще светлело.

Д. ЦЭДЭВ,
председатель Союза писателей Монголии.

О земля! Есть ли предел у тебя?
Хочется руки раскинуть—
ощутить тебя всю,
с твоими лесами, степями
и синими реками.
Я приближаюсь к тебе,
а ты устремляешься в даль—
в бесконечность.

Эй, небо! Есть ли у тебя край?
Ты нависаешь над нами,
смыкаешься с нашей землей.
Но только последнего шага
к чerte горизонта
я сделать никак не могу—
ты от меня ускользаешь.

О мысль! Есть ли у тебя свой круг?
Измерил ли его кто-нибудь из нас
копытами лихого скакуна,
подлетел ли на полном скаку
к четко начертанной окружности?

Жизнь, если б однажды пределы твои
и круг твой узнать?
Но ты беспредельна...

Дочка-степь от сна
еще не пробудилась.
На ее ресницах—
капельки росы.
Солнце эти слезы
быстро осушило.
Потянулись к небу
травы и цветы.

О милая,
хочу услышать песню,
что пела надо мной
когда-то мать,
хочу хотя бы на миг
вернуться в детство
и на коне отцовском
проскакать.

И чтобы отец был рядом—
и на диком
коне скакал
во весь, во весь опор.

Подбадривал меня,
смеялся,
гикал.

Вел за собой
к отрогам дальних гор.

И чтобы степь
весь день, весь день шумела,
встречая нас,

и пела, как всегда,
о голубом,

бескрайнем нашем небе,
о радости познанья

и труда.

О милая,
хочу услышать песню,
что пела надо мной
когда-то мать.

Весь этот мир,
все эти горы, степи

хочу я в сердце

навсегда вобрать.

Ты прав, мой сын,
мир так многообразен,
что мы порой
его не в силах охватить,
мы видим лишь поверхность:

форму, краски—
и часто упускаем
смысла нить.

Но все же упорство наше
постоянно.

Я помню,
как ты в детстве постигал
природу всех вещей—
как будто страны
заморские в тумане открывал.

Сначала небо
ты увидел над собою
сквозь дымника
широкое окно.

Над нашей юртой
небо голубое.

В твоем глаза
навек вошло оно.

Ты наблюдал,
как облака кочуют,
и к их движению
душу приобщил.

А скрылось солнце—
в темноту густую
ворвался свет иных,
ночных светил.

Но утро вновь
с землей соединило.

Шумела степь.
Дым вился над костром.

Росла трава
и набирала силу.

И мир был
как давно обжитый дом.

Ты новый в нем жилец.

Войди с любовью
в него.

И встань под голубым шатром.

Так много бед,
так много слез и крови
 успел увидеть

этот старый дом.

Будь созидателем.

Постигни суть явлений,

их связь,
их непрерывный, точный ход.

Пусть солнце разума
ведет нас по вселенной,
как проводник,
всегда вперед ведет.

Где цвета—
зеленый, желтый, алый?

Одноцветна степь—
белым-бела.

До весны
под снежным покрывалом

тихо продремала,

проспала.

Но, когда весенней,
теплой негой

размягчен был
крепкий, зимний наст,

степь проснулась—
голубой подснежник

приоткрыл
свой любопытный глаз.

Как мальчишка,
сразу огляделся
и с ресничек
бокко снег стряхнул.

И как будто
степь помолодела,
вслушиваясь
в весний, жаркий гул.

Перевел с монгольского Анатолий ГОРЮШКИН.

МОНГОЛЬСКАЯ МОЗАИКА

Дархан и Эрдэнэт, столичные предприятия и институты, новь древней Гоби—символы и приметы сегодняшней Монголии. Рассказ о молодежи республики, с энтузиазмом претворяющей в жизнь решения XVII съезда МНРП, мы хотим дополнить красочным калейдоскопом, который позволит читателям еще шире познакомиться с Монголией. С ее историей и традициями. С богатством и красотой братской страны.

ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ЗНАТЬ ЖИЗНЬ ДРУЗЕЙ

За прошедшее пятилетие Общество монголо-советской дружбы организовало 2800 различных выставок, 16900 фотостендов, показывавших будни советских людей, их жизнь, работу и успешное строительство коммунистического общества. Эти выставки пользуются широкой популярностью среди населения.

ОНИ УЧИЛИСЬ В СССР

Монгольская ассоциация выпускников советских учебных заведений, созданная в 1972 году при Обществе монголо-советской дружбы, объединяет около 18 тысяч монгольских граждан, окончивших различные учебные заведения в СССР. Ассоциация поддерживает деловые связи с советскими

учебными заведениями, организует научно-производственные конференции, симпозиумы и семинары с участием и при поддержке советских ученых. Председателем президиума Монгольской ассоциации выпускников советских учебных заведений избран академик Б. Ширендыб.

«Обувь» для железнодорожного транспорта

Члены творческой бригады рационализаторов при железнодорожном техникуме О. Батдэлгэр, Д. Дамбийнам, Д. Дондог изобрели станок «МОДЭЗА-2» с полуавтоматическим управлением. Его назначение — производство деревянных башмаков для железнодорожного транспорта. Эта машина за восемь рабочих часов изготавливает 240 деревянных башмаков, что дает экономию 1,2 миллиона тугриков в год.

Заметки этнографа

КАК МОНГОЛЫ СИДЯТ В ЮРТЕ

Старинные обычаи монголов связаны с их основным хозяйственным укладом, с традициями, переданными от предков. В давние времена внутреннее пространство юрты было поделено на девять частей. Монголы твердо придерживались установленного этикета, определяя, кому и в какой половине юрты следует находиться во время работы, праздников, рождения ребенка, приема гостей, где и как они должны сидеть. Обычно монголы сидели в юрте на полу, устланном особыми ковриками — олбог. Различалось несколько сидячих поз, которые были строго традиционны и получили свое название от различных положений рук и ног человека.

«Завилах» — сидение со скрещенными ногами. Монголы сидели так в домашней обстановке или в отсутствии своих детей. Различалось два вида «завилах». В первом случае люди сидели со скрещенными ногами, поджав их под себя, а во втором — вытянув скрещенные ноги вперед. Сидя в таком положении, человек быстро уставал, и потому эта поза не рассчитана была на долгое время.

Обычай сидеть со скрещенными ногами был особенно распространен в старину среди ханов, военачальников, лам и старых, почитаемых людей. В присутствии старших молодые люди не имели права сидеть со скрещенными ногами. Это же относилось и к простолюдинам.

«Бохирх» — сидение с согнутыми ногами. Эта поза имела также свою особенность в зависимости от того, в какой стороне юрты — правой или левой — сидел человек. Если в левой — сидящий поджимал под себя правую ногу, если же он

находился в правой стороне юрты, то левую. Такая поза была распространена повсеместно. «Бохирх» был господствующим среди женщин, молодежи и простолюдинов. В некоторых местностях похожую на подобную манеру сидения называли также «цомцойх» — «поджав под себя ноги».

«Хулэ жийх» — сидение с вытянутыми ногами. Человек сидел на коврике, не сгибая колен, держал голову и корпус прямо. Так обычно монголы усаживали маленьких детей, когда они учились сидеть или делали первые свои шаги. Считалось, что эта поза проста и естественна для ребенка.

«Сухрэх» — стоять на коленях. Такую позу принимал обычно простой арат, когда входил в ставку знати и получал разрешение сесть при высших особых. «Сухрэх» применялась также при церемонии прибытия и появления князей и чиновников. Араты обязаны были почтительно расступиться, образуя широкое пространство подальше от дверей дворца, и выполнить торжественный обряд встречи, преклонив колени.

«Бургээн суудал» — «орлиная посадка» — говорит о манере сидеть, похожей на сидение на корточках.

«Сүгдэх» — то же, что и «сухрэх», с той лишь разницей, что человек становится на колени, выражая желание мира и благополучия князьям и военачальникам.

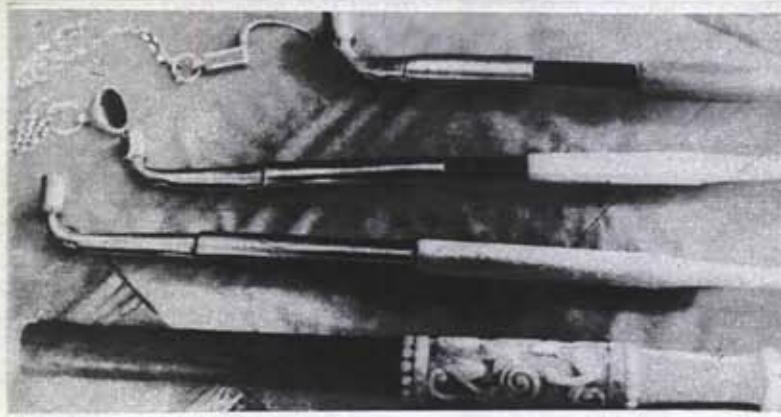
Хочется отметить, что монголы издавна сидели, сложив обе ладони рук, в позе, которая напоминала позы древних изваяний будд; поза сидящего человека с раздвинутыми пальцами рук выражала чувство глубокой грусти.

«Хул ачих» — сидеть, заложив ногу на ногу. Эта поза, согласно народному обычью, считалась не совсем удобной и красивой в присутствии многих людей, так как означала непочтение к присутствующим.

«Сүүжилдэх» — сидеть, прислонившись боком, то есть касаться боком или бедром коврика — олбога или специального тюфяка. Так было принято сидеть в юрте, но для молодежи такое положение считалось неприличным.

Сейчас, в условиях формирования сегодняшнего социалистического быта монгольского народа, прежние традиции, связанные с устаревшими обычаями, постепенно исчезают. Это одна из характерных примет распространения нового культурного быта нашего времени.

Г. БАТНАСАН, научный сотрудник Института истории АН МНР.

«ТРУБКА МИРА»

Курительная трубка когда-то была у монголов обязательной принадлежностью мужчины. Она имеет своеобразную форму: длинный тонкий чубук, который венчает небольшая головка, выкованная из металла и украшенная орнаментом. Самая примечательная часть монгольской трубки — мундштук. Он изготавливается из камней. Особенно ценились трубы, мундштуки которых были выполнены из прозрачного зеленого и белого хризолита и нефрита. Курительная трубка — предмет гордости его владельца. Красивая трубка стоит очень дорого: в старину за одну трубку давали табун лошадей.

Трубку обычно монгол засовывает в правый сапог — гутул. Кисет для табака он носит на левом боку. Его шьют из красивого шелка, кожи, богато украшают узором. К кисету особым шнурком прикрепляется проволочка-прочистка для трубки и кресало. Их делают из серебра и выгравировывают на поверхности орнамент.

У монголов когда-то существовал обычай: при встрече угощать друг друга табаком и обмениваться трубкой. Смысл этой традиции схож со знаменитым ритуалом индейцев — курением «трубки мира». Угощая путника или гостя табаком, об-

мениваясь с ним раскуренной трубкой, монгол тем самым выражает ему свое расположение, желает здоровья, благополучия. В связи с этим обычаев было в прошлом пословица: «Нераскуренную трубку даешь тому, кому желаешь смерти». Существовал целый свод правил этой церемонии. Трубку надо передавать только правой рукой, младший по возрасту должен дать прикурить. Если же собеседник некурящий, то он должен взять трубку, вычистить мундштук и вернуть хозяину.

Обычай обмениваться трубками и табакерками снюхательным табаком не только выражение дружелюбия и добрых пожеланий. Это также знак уважения.

Насколько этот обычай в старые времена почитался, можно судить по такому примеру: двое собираются судиться. До окончания суда они не имеют права угощать друг друга трубкой. Но после суда, каким бы ни было его решение, они при желании угощают друг друга снюхательным табаком из табакерки или трубкой, тем самым как бы говоря, что зла они больше не помнят, обиды не таят. И еще. Если двое или целая группа людей поспорили между собой, то во время курения трубы не должно быть произнесено ни одного бранного или спорного слова. Таков обычай.

Ц. АЮУШ

ЧЕРЕПАХА — СТРАЖ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ

Среди остатков древней монгольской столицы Каракорума внимание путешественников привлекают каменные изваяния черепах. Самая крупная черепаха находится на территории развалин дворца Узедея. Другая черепаха лежит при въезде в восточную часть столицы. Третья — в двух километрах к югу от Каракорума. Черепахи служили постаментами для императорских декретов,

высекавшихся на гранитных стелах.

В 1948 году в 12 километрах от Эрдэнэ-дзу была найдена заготовка четвертой черепахи. Можно предположить, что окончательная художественная отделка происходила после транспортировки заготовок на место. Возможно, события второй половины XIV века лишили авторов возможности закончить свое произведение.

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА ПРИРОДЫ

Спросите любого монгола-скотовода, и он с завидным знанием и точностью назовет все растения, произрастающие на стойбищах, укажет их ценные свойства. В юрте у него вы частенько увидите пучки засушенных целебных трав, которые он применяет при болезнях молодняка, дает ослабевшему скоту. Может быть, именно этот тысячелетний опыт и знания, продиктованные родом занятий, и обусловили когда-то тот высокий расцвет, которого достигла в прошлом монгольская фармакология.

Еще в XVII веке монгольскими учеными-медиками были изучены и описаны лекарственные растения, созданные капитальные труды об их свойствах. В книгах о фармакологии Даанзанпунцага «Шэлэрэн» («Хрустальные четки») и Жамбалдоржа «Ойнзон зацэр мижин» дано описание целебных свойств свыше 600 растений,

тогда как на вооружении современной международной фармакологии находится всего лишь 150.

Исследования последних десятилетий показали, какие несметные лекарственные богатства таятся в зеленой аптеке природы, которая содержит витамины, антибиотики, органические кислоты, эфирные масла, алкалоиды, глюкозиды и вызывающие сегодня пристальный интерес науки флавантные соединения.

Вот почему ученые-фармакологи обратились к полузабытому опыту народной медицины. Экспедиции Института природы соединений занимаются сбором малоизученных, но прочно вошедших в фармакопею монгольской медицины лекарственных средств. Таких, например, как монгольское мумие-барагшун, именуемое «царем лекарств», или жутан — вещество минерального происхождения, которое обычно собирают в летнюю пору на кромках льдин высокогорных рек и употребляют при заболеваниях печени.

Вот баягазава, растение, известное также под названием «Ланца тибетика». «Растение это на коротком стебле, с распластанными четырьмя листьями, маленькими голубыми цветочками с красноватым отливом. Семена в пору созревания приобретают темно-красный цвет. Обладает горьковато-сладким вкусом. Листья исцеляют от ран, семена используются при сердечных заболеваниях, корнями лечат гнойные процессы в легких», — го-

Ущелье звона стремян

Очень необычны географические названия в монгольском языке: Ущелье звона стремян, речка Волчье скаканье, Царственный голубой хребет, гора Серебряное всадника, Три Красавицы, колодец Дикий лошади, дюны Запекшегося молока дикий верблюдицы и тысячи других образных названий говорят о поэтической душе народа, влюбленного в свою прекрасную и солнечную землю.

ЛЕЧЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ

На территории Монголии известно около 220 минеральных источников. Горячие минеральные и холодные углекислые воды пригодны как для ванн, так и для питья.

Интересно, что они обычно встречаются в строго определенных районах: горячие — главным образом на западе и северо-западе, углекислые — преимущественно на востоке страны. Сейчас в стране действует немало санаториев, которых для лечения трудающихся используются целительные качества минеральных вод. Это санатории «Худжирт», «Отгон Тэнгэр», «Шаргалжут», «Жанчилин», «Оргил», «Улан-Батор» и другие.

вается о нем в книге канонов тибетской медицины «Джуд-ши» /VII век/. А на 229-й странице другого трактата, «Манат-Ринчинкунай», оно определено как «основное средство против гнойных процессов в легких». Растение это реликтовое, и находят его сравнительно редко.

В составе старинных рецептов от заболеваний сердечно-сосудистой системы неизменно встречалось растение с загадочным названием «барбад», которое считали основным лекарственным компонентом.

Впервые этот нежный, удивительно красивый цветок, словно вобранный в себя все очарование расцветающей природы, был обнаружен в Архангасе. Крупный советский ученый-ботаник профессор А. А. Юннат подтвердил его неизвестность науке и предложил назвать «аденисом монгольским». Свойства, приписываемые этому растению старой медициной, не только подтвердились, но и превзошли ожидания. Из тех немногих растений, которые применяются и сегодня при сердечных заболеваниях, оно отличается наиболее высоким содержанием глюкозида.

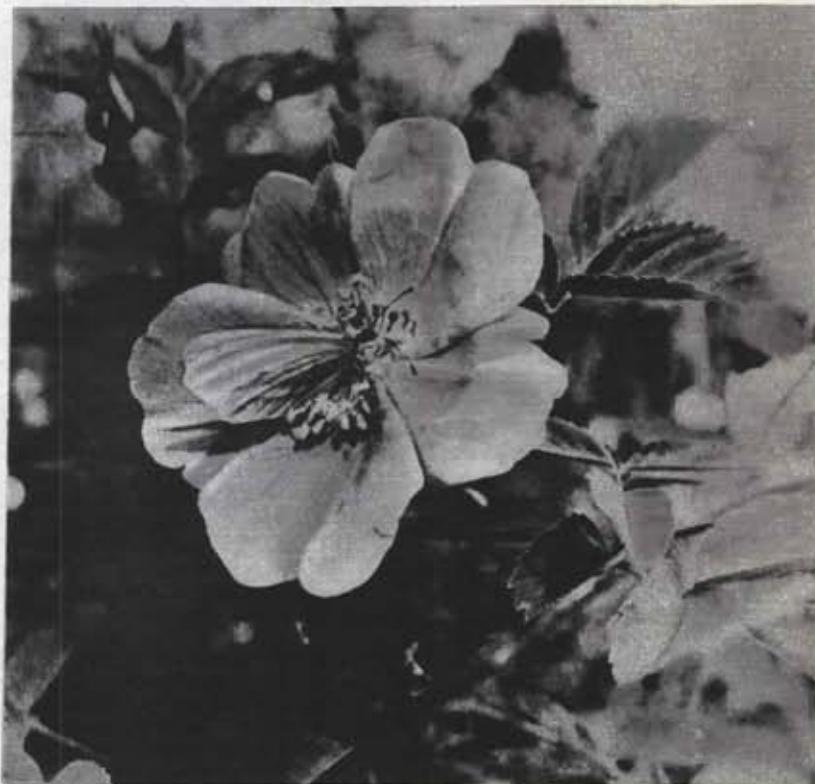
Из арсенала лекарственных трав древней медицины объектом исследований сотрудников Института природных соединений стали также малоизученный современной фармакологией рододендрон Адамса — «цагаан даль» и аир болотный — «шудаг».

«Цагаан даль» — растение на высоком стебле, с белоснежными цветами. Оно произрастает в высокогорных районах. Исклучительно морозоустойчиво. В древние времена китайцы вывозили его из Монголии в Индию как одно из редких средств для омолаживания и снятия усталости. «В пору расцвета «даля белого» сядьте среди расцветших цветов и вдыхайте их густой аромат», — советуют медицины прошлого.

Усталость — распространенная болезнь XX века. При исследованиях растений, рекомендемых для ее снятия, выявляется одна закономерность — все они стимуляторы, повышающие общий тонус человеческого организма.

Аир болотный, или «шудаг», хорошо изучен польскими учеными-ботаниками. Он широко применяется в парфюмерии, в изготовлении вин для придания им тонкого, изысканного аромата. В монгольской же медицине он рекомендуется как средство для успокоения центральной нервной системы, излечивающее от бессонницы и повышающее сопротивляемость организма к болезням.

Сделаны только первые шаги в изучении удивительного мира лекарственных свойств зеленой алтеки природы. А впереди еще целая неисследованная область целебных средств минерального и животного происхождения, которые в древней восточной медицине применялись наравне с растительными.

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА МОНГОЛИИ

В вышедшей в 1924 году книге Ц. Жамсарана «О заповедниках» был описан единственный в то

время заповедник в Монголии — Бодо уул. Сейчас в Монголии 11 заповедников. 30 видов животных находятся под защитой закона.

После победы революции в Монголии правительство неоднократно принимало постановления об охране окружающей среды и упорядочении охоты на редких животных.

ЖИВОПИСЬ ПАЛЕОЛИТА

В сомоне Манхан Кобдоского аймака находится пещера Гурван Цэнхэр. Пещера замечательна своими настенными изображениями горного козла, барана, птицы, похожей на страуса, и других животных, выполненных суриком. Эти ритуальные рисунки, относящиеся к палеолиту, свидетельствуют, что Центральная Азия наряду с Европой является прародиной древнего изобразительного искусства.

Медоносный край

В мире ежегодно собирают в среднем 400 тысяч тонн пчелиного меда. В Монголии пчел стали разводить около 20 лет назад. Сейчас на 14 пасеках насчитывается до 1200 ульев. При нынешних ресурсах медоносных растений в лесостепной полосе МНР имеется возможность в дальнейшем довести число ульев на пасеках до двух миллионов и получать 60 тысяч тонн меда в год.

ПАРУСНИК ПУСТЫНИ

Молодой сварщик Мягмарсамбу недавно изготовил парусный буер на колесах. Корпус и мачта буера сварены из труб. Колеса взяты от мотоцикла. Колесный парусник развивает хорошую скорость, примерно до 80 километров в час на ровной местности, и может быть использован в спортивно-прикладных целях. Там, где имеются обширные ровные пространства, такой буер иногда можно применять для перевозки почты.

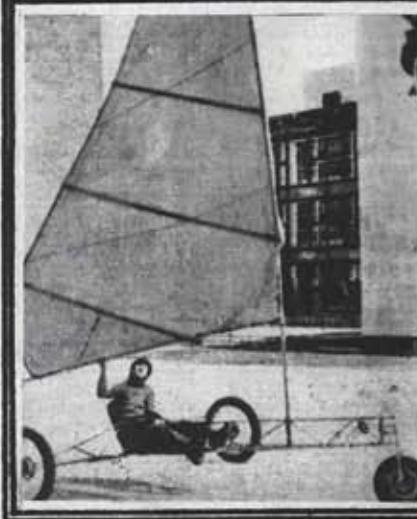

Рисунок Ц. ДОРЖГОТОВА.

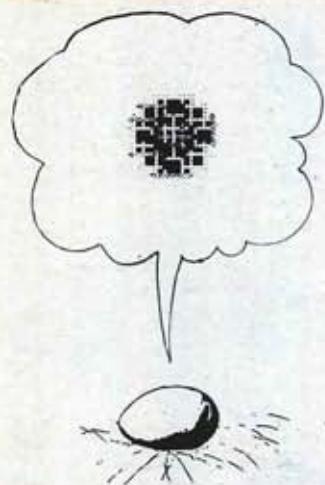

Рисунок М. ЦЭДЭВА.

Рисунки Ц. БАЙДЫ.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

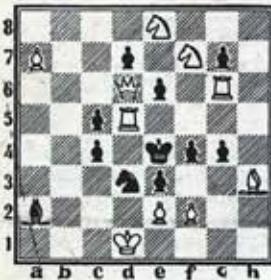
Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

В СТРАНЕ МЯГМАРСУРЕНА И УЙТУМЕНА

У наших монгольских друзей шахматная игра чрезвычайно популярна. Историки повествуют о том, что большим поклонником шахмат был монгольский властелин Тамерлан. В честь победы, одержанной им в 1402 году над султаном Баязидом, Тамерлан назвал своего сына Шахрох. Это должно означать, что взята в плен сильнейшая неприятельская фигура. Напомним, что тогда правила игры отличались от нынешних, и самой мощной боевой единицей в шахматах был не ферзь, как сейчас, а ладья — «рох».

Сражения между армиями Тамерлана и Баязида отразил в оригинальной композиции известный русский шахматный мастер XIX века Константин Яниш. Вот его шуточная задача «Железная клетка Тамерлана».

Белые начинают и дают мат в десять ходов.

Приводим прелюбопытное решение: 1. f2—f3+ g4:f3 2. e2:d3+!

10. Kf7—d6 (можно и 10. Kg5) X. С помощью советских мастеров и тренеров за последние два десятилетия монгольские шахматисты добились заметных успехов на международной арене. В 1956 году они дебютировали на всемирной шахматной олимпиаде. Начиная с 1960 года шахматисты МНР регулярно выступают в «Турнирах наций». Нельзя не отметить XIX Олимпиаду, в которой команда Монгольской Народной Республики заняла довольно высокое, шестнадцатое место, опередив сборные сорока четырех стран!

В Монголии играют такие одаренные шахматисты, как международные мастера Мягмарсурен и Уйтумен, национальные мастера Тумурбатор, Цыренжаб, Лхагва и другие. Лхагва, например, не так давно закончил шахматную специализацию Московского института физкультуры.

Хорошо выступают лучшие монгольские шахматисты не только в олимпиадах, но и на других международных соревнованиях. Стоит, например, вспомнить уверенную победу Уйтумена в конце 1969 года на зональном турнире ФИДЕ в Сингапуре — важном отборочном этапе очередного цикла розыгрыша личного первенства мира.

Весьма интересна и содержательна игра шахматистов МНР в творческом отношении. Думается, что читателям «Смены» доставит немало удовольствия разбор следующих двух фрагментов.

Эта обобщенная ситуация возникла после 19-го хода черных в поединке между Мягмарсуреном (у него были белые) и югославским гроссмейстером Иковым на зональном турнире в Тунисе.

20. g4—g5 Kf6:d5 21. g5:h6 Kd5:e3+ 22. f2:e3 Cd7:h3+ 23. Kpg2:h3 Lf8:f3+ 24. Kph3—g2.

На первый взгляд кажется, что черные просчитались, ибо под ударом находятся и их ладья и слон. Однако замысел черных был глубоко продуман, а варианты далеко рассчитаны. Но белые не уступают сопернику в изобретательности.

24. ...Ke7—f5! 25. Kpg2:f3 Fd8—h4 26. h6:g7 Kph7:g7 27. Le1—h1! Kf5—d4+ 28. Fd2:d4 La8—f8+ 29. Fd4—f4 Lf8:f4+ 30. e3:f4 Fh4:f4+ 31. Kpf3—g2 Ff4:c4.

В результате кровопролитной рукопашной схватки, в ходе которой белым удалось обезопасить короля ценой возврата партнера всего благоприобретенного ими материала, сложилась ситуация с необычным соотношением сил.

32. Lh1—h3 d6—d5 33. Ld1—d2 b7—b5 34. a2—a3 a7—a5 35. Ld2—f2 b5—b4 36. a3:b4 a5:b4 37. b2—b3 Fc4—g4+ 38. Lh3—g3 Fg4—d4 39. Kc3—e2 Fd4—e4+ 40. Lg3—f3 Fd4:c2.

Черные переоценивают свои шансы и неосторожным взятием «пехотинца» позволяют противнику молниеносным тактическим ударом скоординировать действия коня и ладейного дуэта. Изящная концовка прекрасно смотрится!

41. Ke2—d4! Fc2—e4 42. Kd4—e6+ Kpg7—h6 43. Kpg2—g3 Fe4—e1 44. Kpg3—g4 Fe1—e4+ 45. Lf2—f4! Fe4—e3 46. Lf2—h2+ 47. Lf2—d7 21. Lf2—h2 Ch3—g4 22. Lc1—f1 Lf8—e8 23. Lf1—f4 Kh7—f8 24. Kc2—d4 Cg4—e2 25. Fd2:e2?

С таким отлично централизованным конем, контролирующим важнейшие пункты, не пропадешь!

19. h2—h4 Cd7—h3 20. Lf1—f2 Fd8—d7 21. Lf2—h2 Ch3—g4 22. Lc1—f1 Lf8—e8 23. Lf1—f4 Kh7—f8 24. Kc2—d4 Cg4—e2 25. Fd2:e2?

Этот на вид естественный ответ находит неожиданное опровержение тактического характера. Вскоре линии вскрываются к явной выгоде черных. Упорнее сопротивляться белым могли посредством 25. K:e2.

25. ...Ke5:c4! 26. b3:c4 e7—e5 27. Kd5—f6+ Cg7:f6 28. Lf4—f6 e5:d4 29. Ce3:d4 Fd7—c6! 30. e4—e5 Kf8—e6 31. Cd4—b2 Fc6—c5+ 32. Lh2—f2 d6:e5 33. h4—h5.

Запоздалый пешечный подрыв ничего белым не дает. Их плохо обороняемый король уже через несколько ходов становится добычей соперника. Запоминается необложная, но очень эффективная заключительная комбинация с жертвой ферзы.

33. ...Kg6—f4! 34. Fe2—f3 Fc5:c4 35. h5:g6 f7:g6 36. Lf2—h2 Fc4—c5+ 37. Kpg1—h1 Fc5—c1+!! и белые сдались, так же как черные в предыдущей партии, ввиду неизбежного матта.

ПЕСНЯ БРАТСТВА

Слова Д. БАТСУРЭНА.
Перевод П. ГРАДОВА.
Музыка Т. ЧИМИДОРЖА.

О монгольском брате
Думает Россия,
Словно мать родная
О любимом сыне.

Горы и поля поют,
Славя мирный труд—
И Урал,
И Алтай,
И наш родной Хангай.

Эти песни братства
Льются, не смолкая.
Ведь душа монгола,
Словно даль степная.

В трудную годину
Дружба выручает,
И об этой дружбе
Песню запевают.

И березка под Москвой
И сибирский край—
Все поет—
Даль полей
И наш родной Хангай.

Наши песни братства
Не смолкают долго,
Ведь душа у русских
Широка, как Волга.

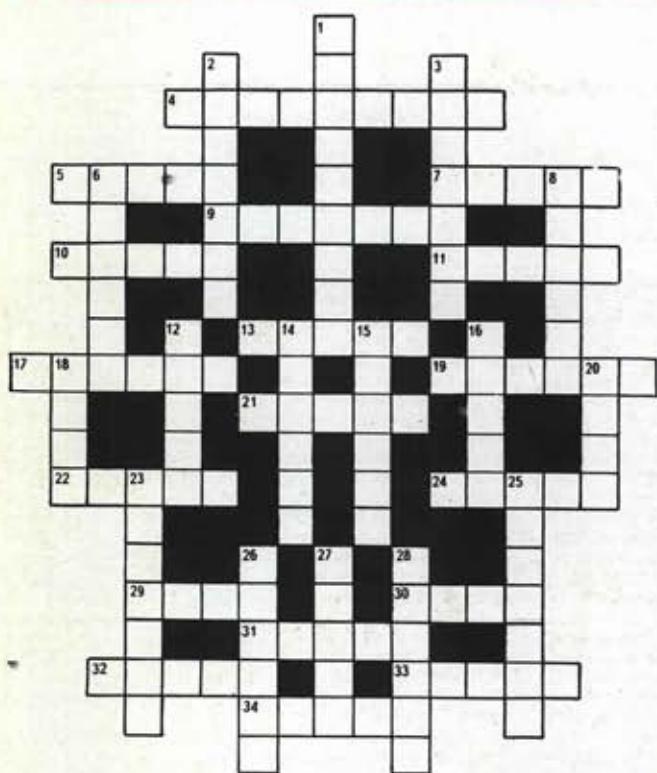
Помыслы сравняться
Могут чистотою
Лишь с водой ангарской,
Светлою водою.

Пусть проходят день за днем,
Пусть летят года.
Я—монгол, русский—ты,
Мы братья навсегда.

Дружбою сердечной,
Дружбой вековою
Утверждаем вечный
Мир над всей землею!

КРОССВОРД

Составил Б. ФЕДОРОВ,
Москва

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ МОНГОЛИЮ?

По горизонтали:

4. Город в МНР. 5. Ответвление горной цепи. 7. Административно-территориальная единица МНР. 9. Советский геолог и географ, исследователь Центральной Азии. 10. Форма народного устно-поэтического творчества монголов. 11. Горная система, расположенная на территории СССР и МНР. 13. Маршал Советского Союза, Герой МНР. 17. Денежная единица МНР. 19. Народ, живущий в РСФСР и МНР. 21. Орошение посевов. 22. Жидкое горючее, добываемое в МНР. 24. Монгольский духовный инструмент. 29. Река, протекающая в МНР и Читинской области. 30. Трудящийся скотовод в Монголии. 31. Художественное текстильное изделие, вырабатываемое в МНР. 32. Приток реки Лены. 33. Орган государственной власти в МНР. 34. Молодое домашнее животное.

По вертикали:

1. Современный монгольский писатель. 2. Коренное население государства в Центральной Азии. 3. Выночные животные, движущиеся с грузом в пустыне. 6. Припев, характерный при исполнении монгольской песни. 8. Бобовый кустарник, растущий в Монголии. 12. Летчик. 14. Русское название журнала, издаваемого в МНР. 15. Сибирская река, берущая начало вблизи границы с МНР. 16. Монгольский рапсод-сказитель. 18. Центральный орган периодической печати в МНР. 20. Приток реки Орхон. 23. Минерал, добываемый в МНР. 25. Монгольский фольклорно-литературный жанр. 26. Опросный лист для получения определенных сведений. 27. Монгольская писательница, лауреат Золотой медали Всемирного Совета Мира. 28. Центр угольной промышленности в МНР.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3

По горизонтали:

1. Алекс. 6. Насос. 9. «Сомнение». 10. Закопане. 13. Мали. 14. Двоеточие. 15. Рапа. 18. Неврев. 19. Шпree. 20. Янгнер. 23. Моделирование. 24. Кржижановский. 27. «Дороги». 28. Яншин. 29. Юкатан. 32. Куба. 33. Стационар. 34. Зебу. 38. Бредихин. 39. «Перикола». 40. Кварц. 41. Амати.

По вертикали:

1. Ассам. 2. Ермолова. 3. Сфен. 4. «Бритвы». 5. График. 6. Неон. 7. Сказание. 8. Схема. 11. «Бесприменимница». 12. Победоносиков. 16. Недорога. 17. Индигирка. 21. Нерис. 22. Гаусс. 25. Проблема. 26. «Стрекоза». 30. Отиск. 31. Ракета. 32. Кубок. 35. Унаби. 36. Минц. 37. Рица.

КОСМИЧЕСКИЕ МАРКИ МОНГОЛИИ

4 октября 1957 года в Советском Союзе был произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Через месяц Министерство связи СССР выпустило в обращение первую в мире марку в честь знаменательного события. С этого момента каждый шаг в освоении космического пространства отмечался выходом марок с космическим сюжетом.

Почта Монгольской Народной Республики к космической тематике обратилась в 1959 году, выпустив серию из двух миниатюр, посвященных полету советской автоматической межпланетной станции «Луна-3».

Особый интерес для коллекционеров представляют несколько космических серий.

...12 апреля 1961 года. В этот день весь мир узнал имя первого человека, побывавшего в космосе, имя гражданина Страны Советов Юрия Алексеевича Гагарина. Это событие одной из первых отметила почта Монголии. На четырех марках красочной серии изображены различные этапы полета космического корабля «Восток-1». На каждой из них — портрет первого космонавта.

Совместный экспериментальный полет двух космических кораблей «Аполлон»—«Союз» включал и стыковку кораблей и встречу космонавтов двух стран в космосе. Почтовое ведомство МНР уделило этому выдающемуся научно-техническому эксперименту большое внимание. Еще за год до ЭПАС был выпущен почтовый блок, посвященный сотрудничеству СССР и США в космосе, который привлек к себе внимание филателистов. На марке были изображены космические корабли «Союз» и «Аполлон», на полях — государственные

флаги СССР и США. Блок явился одним из первых почтовых сувениров, открывших новую тему в космической филателии. После проведения эксперимента в обращение поступила серия из семи интересно оформленных марок и блока. Марки отображают поэтапное осуществление программы ЭПАС, на блоке изображены советский и американский космонавты у пульта управления в кабине корабля. Это одна из лучших космических серий Монгольской Народной Республики.

Космическая тема на марках МНР явление не случайное, чему подтверждение — недавно вышедшая серия в честь 20-летия космической эры. Серия выполнена в лучших традициях монгольской почтовой миниатюры и по праву замечает достойное место в альбомах коллекционеров всего мира.

Вадим ВАНТРУСОВ